

Հ Ա Յ Կ Ա Կ Ա Ն Ս Ս Ռ Գ Ի Տ Ո Ւ Ք Յ Ո Ւ Ն Ն Ե Ր Ի Ա Կ Ա Դ Ե Մ Ի Ա

ՀՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ՊԵՂՈՒՄՆԵՐ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ

№ 5

Կ Ա Ր Մ Ի Ր - Բ Լ Ո Ւ Ր

III

Բ. Բ. ՊԻՏՏՐՈՎՍԿԻ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՐ ԳԻՏՈՒՔՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱՅԻ ՊԱՏՄՈՒՔՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏԻ
ԵՎ ՊԵՏԱԿԱՆ ԷՐՄԻՏՏԱԺԻ ՀՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ԷՔԱՊԵԴԻՑԻԱՅԻ
1951—1953 թթ.

ԱՇԽԱՏԱՆՔՆԵՐԻ ԱՐԴՅՈՒՆՔՆԵՐԸ

Հ Ա Յ Կ Ա Կ Ա Ն Ս Ս Ռ Գ Ա Հ Ր Ա Տ Ա Ր Ա Կ Ջ Ո Ւ Ք Յ Ո Ւ Ն
Ե Ր Ե Վ Ա Ն 1 9 5 5

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В АРМЕНИИ

№ 5

КАРМИР-БЛУР

III

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР И ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
1951—1953 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН

1955

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета АН Армянской ССР*

A/SI

ПРЕДИСЛОВИЕ

Раскопки Кармир-блур ежегодно дают богатый материал для изучения культуры одного из крупнейших рабовладельческих государств древнего Востока, государства Урарту.

Город бога Тейшебы, развалины цитадели которого сохранились на холме Кармир-блур, был не только крупным хозяйственным, но и военно-административным урартским центром в Закавказье. Недаром цитадель города носила название „Дом оружия“. Раскопки дали громадное количество бронзовых и железных предметов вооружения, которые с полной достоверностью позволяют восстановить облик урартского воина. Они значительно расширяют наши знания по истории военного дела древнего Востока, дополняют и иллюстрируют подлинными предметами данные изображительных памятников Ассирии и разъясняют происхождение некоторых видов скифского вооружения.

В настоящем выпуске отчета о раскопках Кармир-блур дан обзор найденных предметов урартского вооружения, которые сопоставляются с ассирийским, закавказским и скифским вооружением. Многие из публикуемых бронзовых изделий, как, например, щиты Аргишти I и Сардури II, украшенные изображениями львов и быков, являются выдающимися памятниками урартского прикладного искусства, а помещенные на них клинообразные надписи служат точной основой для датировки.

Раскопки 1952 г. дали значительное число предметов украшения, главным образом, каменных, стеклянных и фаянсовых бус. Этот материал в предыдущих отчетах был описан очень кратко. Детальное изучение украшений дает для истории культуры Урарту много новых данных. Оказывается, сердоликовые и сардониковые бусы, разнообразные по материалу и технике сверления, можно четко разделить на отдельные группы, соответствующие местам их изготовления. Четко выделяется группа Закавказских сердоликовых бус, наиболее многочисленная и хорошо известная по раскопкам закавказских могильников. Но наряду с ней устанавливаются и другие группы, несомненно привозные, причем единичные экземпляры бус как будто следует определить происходящими из восточного Ирана или северной Индии. Публикация разнообразных бус и украшений, найденных в цитадели Тейшебаини, позволит ввести этот интересный материал в широкий обиход.

В приложении даны статьи, посвященные исследованиям древесных остатков (С. А. Туманян и В. А. Паланджян) и текстильных изделий (А. С. Верховской). Они освещают важные стороны материальной культуры урартов, на которые до сих пор обращалось недостаточное внимание.

Раскопки Кармир-блур в 1951—1953 гг. велись совместной археологической экспедицией Института Истории Академии наук Армянской ССР и Государственного Эрмитажа.

В работе экспедиции приняли участие: Б. Б. Пиотровский (нач. эксп. 1951—1953), К. Л. Оганесян (зам. нач. эксп. 1951—1953), А. А. Мартиросян (1951—1953), А. П. Султан-Шах (1951—1953), Г. М. Бартикян (1951—1953), З. М. Касабян (1951—1953), Г. А. Тирацян (1951—1953), В. С. Сорокин (1953), М. Г. Агаронян (1951), Н. В. Арутюнян (1952), А. А. Вайнман (1951), С. Есян (1951—1952), А. Бабаян (1951—1952), Р. Бучахчян (1951—1952), Е. Манукян (1952), а также студенты-практиканты Ереванского Гос. университета им. В. М. Молотова, Ленинградского Гос. университета им. А. А. Жданова и Московского Гос. университета им. М. В. Ломоносова.

Фотографические работы выполнял А. П. Булгаков (1951—1953), художниками работали О. Г. Бетехтин (1951) и М. Я. Пышта (1952—1953). Реставрацию предметов из раскопок производили реставраторы Гос. Исторического музея Академии наук Армянской ССР и Государственного Эрмитажа: В. М. Газазян, Г. И. Аревшатян, Е. А. Румянцев и Д. И. Смирнова.

РАСКОПКИ ЦИТАДЕЛИ

Раскопки 1951—1953 гг. ставили своей задачей дальнейшее исследование помещений цитадели, главным образом в ее центральной части. Они подтвердили предположение о том, что сохранившееся сооружение представляло собою первый этаж, соответствующий платформе-подиуму древневосточных монументальных построек. В него можно было проникнуть только со второго этажа. Разведочный раскоп, заложенный по всему периметру здания, входа в первый этаж не обнаружил. Вместе с тем, остается пока невыясненным и место лестницы или пандуса, которые вели на второй этаж. Как видно по плану раскопанной части цитадели, первый этаж состоял из отдельных отсеков, разделенных капитальными стенами, по толщине соответствующими внешним. В этих стенах имеется одна или две двери, связывающие отсеки друг с другом. Со второго этажа в первый спускались по пандусам, следы которых отчетливо были видны в помещении № 30 и в коридоре западной части южного центрального отсека. По сторонам этого коридора были расположены кладовые. Пандус спускался с северной стороны и соответственно его уклону двери в небольшие кладовые по сторонам коридора располагались на разном уровне.

Верхний этаж цитадели, находившийся только над двумя центральными отсеками здания, совершенно разрушен. Сохранились лишь отдельные участки стен и их развалины над перекрытиями нижнего этажа. Остатки цветных росписей стен, обнаруженные в завале кладовой № 25, следует отнести к парадным комнатам именно этого верхнего этажа.

Северная часть здания цитадели, повидимому, не имела второго этажа. На это указывает отсутствие остатков стен, а также и то обстоятельство, что непосредственно на рухнувших потолочных перекрытиях этой части цитадели были обнаружены целые костяки животных, погибших при пожаре во время штурма. В той части цитадели, где несомненно имелся второй этаж, такие костяки отсутствовали. Таким образом, получается впечатление будто урарты при постройке цитадели Тейшебаини обычную в древневосточной архитектуре платформу использовали для сооружения в ней хозяйственных помещений и кладовых (мастерская для изготовления кунжутного масла из трех комнат, шесть кладовых для вина, кладовые для зерна и др. хранилища). Эти помещения с толстыми стенами (2,1—3,5 м), сложенными из сырцового кирпича, являлись очень удобными кладовыми, сохранявшими в летнее время необходимую прохладу, а в зимнее время тепло. Раскопки еще не выяснили, где находились кла-

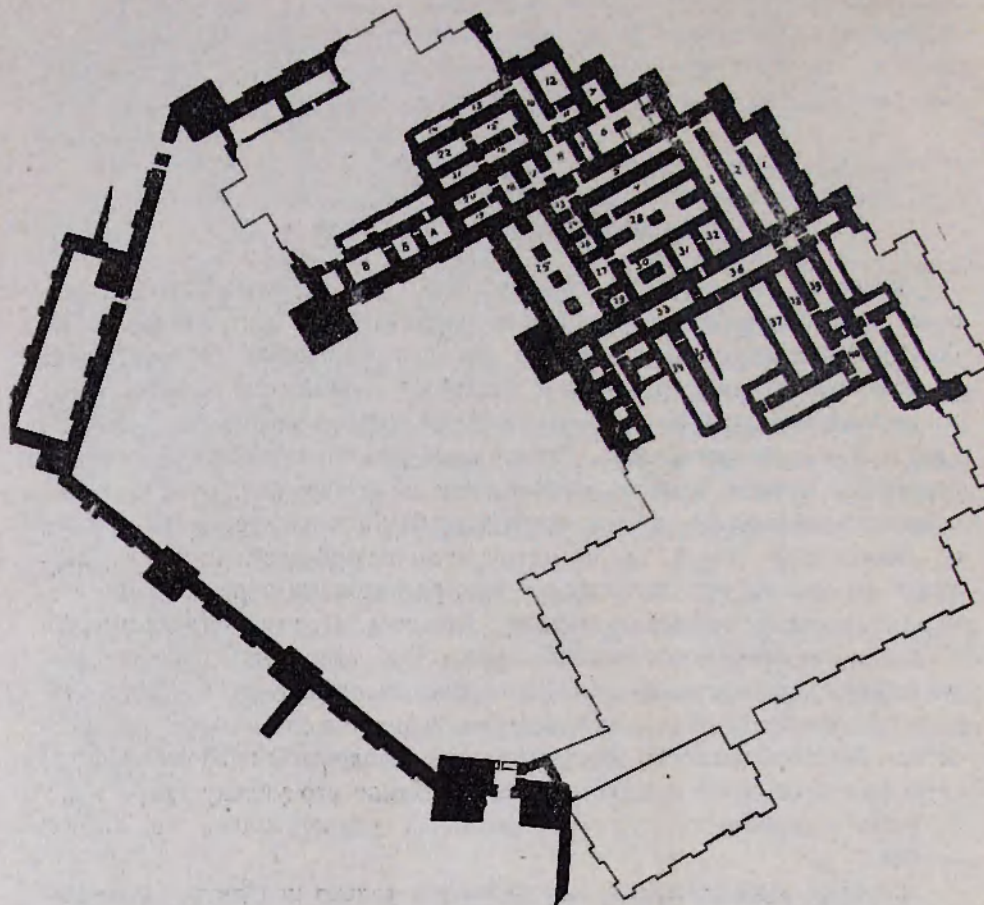

Рис. 1. Общий план цитадели, 1954 г.

доуме, в которых хранились высокохудожественные бронзовые изделия с посвятельными надписями урартских царей VIII в. до н. э., так как во время осады цитадели они были растащены и спрятаны в различных кладовых хозяйственного назначения. Так, в одном из карасов кладовой № 25 оказались спрятанными 97 бронзовых чаш с надписями царей Менуа, Аргишти I, Сардури II и Русы I, в карасе кладовой № 28 лежал шлем Аргишти I, но особенно показательными в этом отношении оказались находки в помещениях № 34 и 36. В первом из них найдены великолепный щит Аргишти I, украшенный изображениями львов и быков, и железный меч с бронзовой рукояткой. Щит был явно спрятан, он был приставлен лицевой стороной к каменному фундаменту стены и, повидимому, сверху присыпан землей. На той стене, к которой он был прислонен, примерно посередине между местами находки щита и меча, красной краской на кирпиче 16 ряда снизу был обозначен крест. Возможно этот крест служил отметкой места, где были спрятаны эти ценные предметы вооружения. В помещении № 36 куча разных предметов была присыпана сверху зер-

ном и прикрыта ветками. То обстоятельство, что в хозяйственных кладовых во время осады цитадели были спрятаны ценные предметы, ежегодно обеспечивает экспедиции находки выдающихся памятников урартского прикладного искусства.

В северном отсеке цитадели в 1951 и 1952 гг. было раскопано три помещения, примыкающие к южной стене выступа и расположенные в ряд, к западу от помещения № 19.

Помещение А (дл. 6,35 м; шир. 6 м). В средней части помещения обнаружена группа железных изделий — пять наконечников копий, вилы, два тесла, серп и лопата. Отдельно лежали шесть железных и пять бронзовых урартских наконечников стрел со стержнем для насадки и девять втульчатых наконечников скифского типа (из них пять двугранных и четыре трехгранных). Эта находка лишней раз подтверждает предположение о том, что жители Тейшебаини, имевшие тесные связи со скифами, пользовались их стрелами.

Тут же были обнаружены бронзовые чешуйки пластинчатого панциря, лежавшие кучей. Чешуйки (дл. 3 см; шир. 1,5 см) имели в верхней части по три отверстия для нашивания на основу. Рядом с панцирем лежала корзина овальной формы, сплетенная из прутьев, в которой находилась грубая шерстяная ткань и одна бронзовая чаша.

В северо-западной части помещения была обнаружена стопка из 16 сильно разрушенных окисью бронзовых чаш. На семи из них удалось расчистить клинообразные надписи, расположенные по кругу в центре и иероглифические знаки — башенку с деревом и голову льва. Они принадлежали к той группе бронзовых чаш, которая была найдена в 1949 г. в кладовой № 25. Три чаши имели надписи царя Сардури II ($\text{ša}^m \text{SAR}_2\text{-du-ri}$), а четыре надписи Русы I ($\text{Ru-sa-a-i-ni-e}^{\text{bitu}}\text{-ri-iš-ju-si-e}$). На двух других чашах оказались иероглифические обозначения. На одной гладкой чаше вычеканена группа из семи знаков, а на другой, украшенной восьмью углублениями, группа из трех знаков. Следует отме-

Рис. 2. Бронзовые чешуйки панциря (пом. А).

тить, что подобное неероглифическое обозначение имеется на горле серебряного кувшина, обнаруженного в 1952 г. в помещении № 36. Среди чаш оказалась также фиала ассирийского типа (см. А. А. Мартirosян, Раскопки в Головино, табл. XXII) и бронзовый кубок

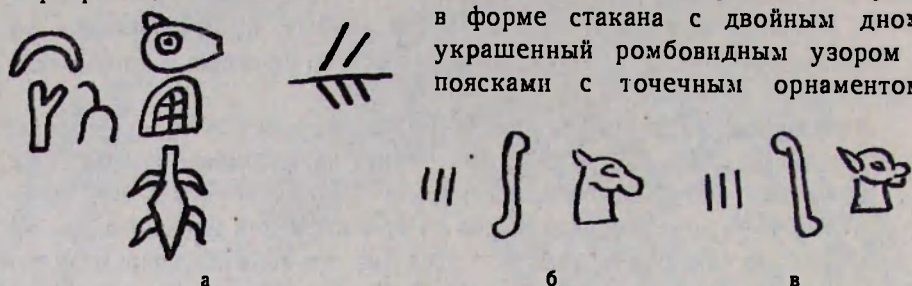

Рис. 3. Иероглифические знаки на бронзовых чашах из пом. А5 (а, б) и на серебряном кувшине из пом. № 36 (в).

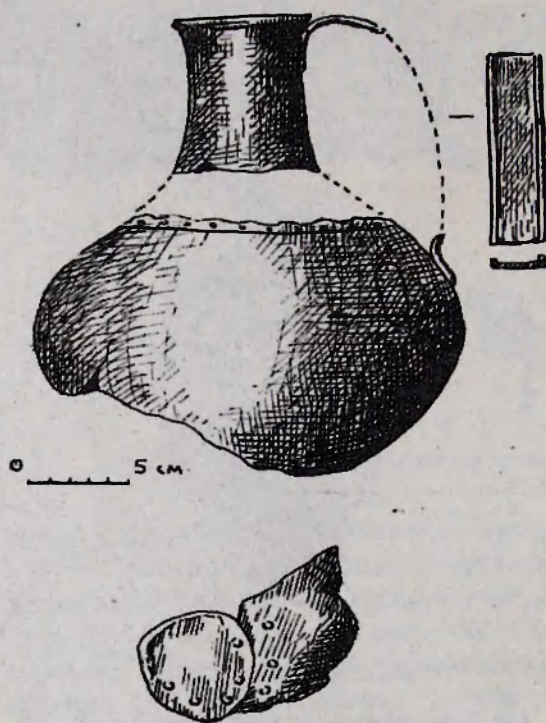

Рис. 4. Бронзовый кувшин (пом. А).

Большой интерес представляет найденный в этом же помещении бронзовый кувшин с одной ручкой, по форме повторяющий красные лощеные глиняные кувшины, найденные на Кармир-блуре в большом количестве. Глиняных сосудов в этом помещении было немного, обнаружено всего три образца: обломки черной лощеной чаши, горшок светлого цвета с тремя поясками семячкового орнамента и крупный сосуд удлиненной формы с тремя клеймами, часто встречающимися на Кармир-блуре (Урарту, рис. 44, клеймо справа). Эти клейма обычно ставились под ручками красных лощеных кувшинов. Обнару-

жение этого клейма на сосуде, совершенно иного типа, указывает на то, что в одной гончарной мастерской изготавливались различные сосуды!

Около двери в северной стене помещения была найдена часть бронзового запора — накидная петля, подобная той, на которой было вычеканено имя города Тейшебаини, а в самом дверном проеме обломки бронзового щита с клинообразной надписью Сардури, сына Аргишти. У северной же стоны обнаружены обломки второго щита, посвященного,

как указывает надпись, царем Аргишти, сыном Менуа, городу Еребуни (Ирбуну).

(Раскопки А. П. Султан-Шах, 1951 г.).

Помещение Б (дл. 5,22 м; шир. 6 м) связано дверью с предыдущим. В обрушившихся сырцовых кирпичах верхних частей стен обнаружены: бронзовый наконечник стрелы скифского типа (в данном случае, повидимому, принадлежавший врагам, обстрелявшим крепость при штурме), два бронзовых гвоздя «зигати» и различные украшения, лежавшие кучей. Среди украшений оказалось девять крупных сардеровых бус, около пятидесяти бус из фаянса с серой глазурью, сильно обгорелые бусы из стекла и сердолика, лигнитовая пронизка, фаянсовая коническая пронизка и 62 раковины каури, входившие в ожерелье. В этой же группе украшений оказался обломок ассирийской (?) цилиндрической печати, с изображением человека, стреляющего из лука в цель, и круглый серебряный медальон (диам. 3,5 см) с изображением богини, сидящей на троне. Голова богини вычеканена на напаянной на медальон золотой пластинке. Над богиней изображение полумесяца и звезды. Перед сидящей богиней стоит женщина, держащая в левой руке за рога голову козла. Этот медальон очень напоминает золотой медальон тонкой работы, найденный на Топрах-кале в Ване. На нем изображена сидящая на троне богиня с веткой в руке и стоящая женщина.

В помещении № 36 был найден второй серебряный медальон, с изображением стоящего мужского божества, голова которого также вычеканена на припаянном тонком листке золота. Перед ним стоит мужская фигура, держащая жертвенного козла, в верхней части амулета неразличимое изображение, возможно крылатый солнечный диск. Иконографически фигура стоящего мужского божества совпадает с изображениями ассирийских божеств.

Рис. 5. Серебряный медальон (пом. Б).

Эти два серебряных медальона, найденных на Кармир-блуре, представляют несомненно большой интерес для изучения урартской религии.

(Раскопки А. П. Султан-Шах, 1952 г.).

Помещение В (дл. 10,1 м; шир. 6 м) — тупиковая комната, самая западная в рассматриваемом ряде помещений. Раскопки обнаружили хорошо сохранившиеся бревна и остатки потолочного перекрытия из камыша и веток. В помещении никаких предметов найдено не было.

(Раскопки А. П. Султан-Шах, 1952 г.).

В северном отсеке центральной части было раскопано четыре помещения.

Помещение № 29 (дл. 5,1 м; шир. 3 м). Эта небольшая кладовая, выходящая в комнату № 27, находящуюся между двумя кладовыми для

вина, оказалась складом глиняной посуды. В ее восточной половине обнаружены красные лощеные кувшины с одной ручкой, тщательно уложенные в пять ярусов. Кувшинов было 1036 штук, причем многие из них вынуты совершенно целыми. Кувшины были разных размеров (высота от 13 до 31 см) и емкость их колебалась от 0,45 до 7 литров. Сложенные кувшины, так же как и остальная посуда, не были еще в употреблении. Кроме того, в кладовой обнаружено 55 плоских мисок, одна глубокая чаша (выс. 16,5 см, диам. 34 см), 6 крупных сосудов, 9 бокалов и 40 светильников, также без следов употребления. Три из этих светильников были необычной формы и имели петельчатую ручку на противоположном носику крае. Перегородка, отделявшая резервуар для масла от горящего фитиля, была различных форм, прямая или выпнутая дугой, с двумя или тремя отверстиями. У четырех светильников перегородка делила чашу на две почти что равные части.

В западной части комнаты обнаружены обломки железного акинака, бронзовая чашка и бронзовые обоймы кожаного колчана.

Без сомнения эта кладовая являлась подсобной к двум большим винным погребам (№ 25 и 28), хранившим около 150 тысяч литров вина. Количество кувшинов соответствовало количеству залитого в карасы вина, а глиняные светильники должны были освещать темные помещения погребов.

Следует отметить, что кувшины имеют ярко выраженную одинаковую форму и несомненно вышли если не из рук одного мастера, то из одной гончарной мастерской. Они по форме резко отличаются от тех кувшинов, которые были обнаружены в 1953 г. в другом складе посуды, связанном с кладовыми для вина южного отсека центральной части цитадели.

(Раскопки А. П. Султан-Шах, 1951 г.).

Помещение № 30 (дл. 11,4 м; шир. 7,6 м). Это помещение, связанное шириной дверью с кладовой № 28, имело в центре массивный столб, сложенный из сырцовых кирпичей. Очень возможно, что через это помещение спускались из верхнего этажа в нижний по пандусу, который огибал этот столб с восточной и северной сторон и подходил к двери в кладовую № 28. Эта линия уклона пандуса отчетливо была видна на стенах столба. Около входа на пандус имеется площадка, устроенная непосредственно на восточной стене помещения, вследствие этого стенку второго этажа пришлось возводить с пола соседнего помещения (№ 31).

В северной части помещения, примерно на уровне пандуса, был обнаружен небольшой красный лощеный сосуд и базальтовое блюдо (диам. 55 см; выс. 12 см). Это блюдо поражает точностью формы и качеством обработки твердого камня.

В юго-западном углу помещения найдено большое количество совершенно разрушенных железных предметов. Среди них крупные куски ромбической формы (дл. около 35 см) со сквозным круглым отверстием в средней части. В этих предметах можно видеть заготовки металла — бруски железа, которые связывались веревками для удобства транспортировки. Там же найдено два куска яркосиней краски, которым придана

форма продолговатых комков, подобных найденным в кувшине из кладовой № 28. Эта находка заставляет нас пересмотреть прежнее определение комков из кладовой № 28 как терок (КБ, II, стр. 32) и видеть в них краску, замешанную на глине. В южной части помещения обнаружен красный лощеный кувшин с одной ручкой и бронзовая рукоятка (?) кишжала в виде головы грифона.

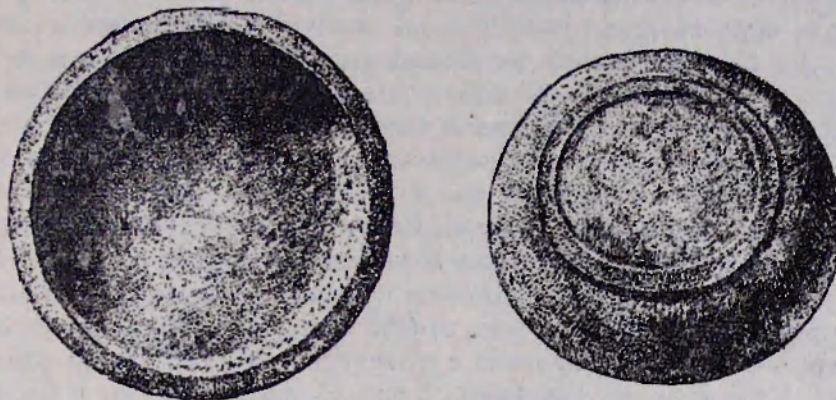

Рис. 6. Базальтовое блюдо (пом. № 30).

(Раскопки З. М. Касабяна, 1951 г.).

Помещение № 31 (дл. 7,71 м; шир. 6,05 м). Из этой комнаты имеется проход в южный отсек центральной части цитадели. К западной стене помещения пристроена добавочная, небрежно сложенная стена из сырцовых кирпичей, возвышающаяся над первым этажом. Около этой стены обнаружено большое количество сильно обгорелых костей быков, лошадей и ослов (определение С. К. Даля). Находок незначительное количество: красный лощеный кувшин с одной ручкой и два вырезанных из рога наконечника, украшенных резьбой.

(Раскопки Г. М. Бартикяна, 1951 г.).

Помещение № 32 (дл. 7,7 м; шир. 5,15 м). Комната забутована камнем. В верхнем слое найдены две медные монеты атабека Кизил-Арслана (XII в.) Назначение забутовки остается неясным, повидимому распланированные и выстроенные уже помещения забивали камнями для того, чтобы получить площадку на втором этаже.

(Раскопки Г. М. Бартикяна, 1951 г.).

Основная работа в 1951—1953 гг. протекала в южном отсеке центральной части цитадели.

Здесь, у западной стены, было открыто помещение, в котором находились крупные сосуды для зерна. Все сосуды оказались разбитыми. От этого помещения, под углом, отходил узкий коридор с пандусом, спускающимся к южной части, по сторонам которого были устроены кладовые; с правой стороны небольшие, четырехугольные, в виде колодцев, а слева более просторные, прямоугольной формы. Раскопано пять маленьких кладовых и две прямоугольные (раскопки А. Мартиросяна, А. Ба-

баян, Р. Бучахчян, 1951—1952 гг.). Колодцеобразные кладовки были предназначены для зерна, в некоторых из них на полу были найдены остатки ячменя и пшеницы. В кладовых северной части коридора вход, соответственно уклону пандуса, находился на большой высоте от пола и они, в полном смысле слова, представляли собою колодцеобразные закрома. В пятой из этих кладовых была сделана интересная находка. На полу пустой кладовой, около юго-восточного угла, недалеко от дверного проема, была найдена глиняная булла, запечатывавшая дверь в кладовую. Эта булла скрепляла две веревки, перевязывавшие дверь, и на ней оттиснуты печати двух лиц. Одна печать урартского типа — столбчатая с круглым оттиском, другая печать ассирийского типа — цилиндрическая с изображениями и урартской надписью в поясках, ограничивающих изображения сверху и снизу (см. рис. 7). Кладовые с левой стороны коридора были также пустые, но во второй из них, около рухнувших балок перекрытия, обнаружено большое количество предметов.

Среди многочисленных обломков глиняных сосудов обращают на себя внимание: кусок края чаши со скульптурной головкой барана, днище красного лощеного кувшина с оттиснутым на нем клеймом обычного для Кармир-блуря типа (Урарту, рис. 44, клеймо справа) и местный закавказский кувшин с ручкой, украшенной вдавленными треугольниками и с узором на туловище, выполненным лощением.

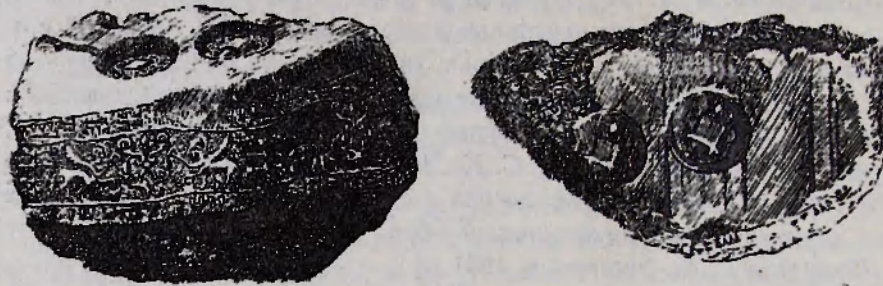

Рис. 7. Булла из кладовой для зерна.

Тут же были найдены разнообразные бусы (27 дисковидных, вырезанных из раковины, 3 из прозрачного стекла, 5 из черного стекла, 2 сердоликовые, одна плоская фаянсовая, с желтыми глазками и черными кружками, 7 раковин каури). Среди бус находилась урартская гиревидная печать из жировика с вырезанными изображениями на боковой и нижней гранях. Тут же находилась маленькая бронзовая фигурка птицы и фибула.

Кроме указанных предметов, следует еще отметить железный серп, кривой нож, оселок точильного камня, обломки железного браслета и железной фибулы.

Повидимому, все эти предметы попали в кладовую из верхнего этажа, вместе с рухнувшим перекрытием.

Помещение № 33 (дл. 14 м; шир. 3,55 м) представляло собою большую проходную кладовую с дверьми в торцовых, западной и восточной стенах. В западной ее части, непосредственно у двери, находилось восемь крупных карасов, которые, в отличие от карасов винных кладовых, были не вкопаны в земляной пол, а установлены на полу, вследствие этого семь карасов были разбиты на мелкие куски рухнувшим перекрытием, сохранился только один карас, отличающийся по форме от карасов кладовых №№ 25 и 28. Его туловище было украшено четырьмя рядами углублений, верхним, состоящим из полукругов, и тремя рядами прямоугольных углублений. На горловине были вырезаны иероглифические обозначения, аналогии которым пока неизвестны.

Около карасов лежали куски серы, указывающие на то, что в урартское время уже применялось окуривание карасов серой.

На полу кладовой обнаружены зерна ячменя и нута. В западной части кладовой найдены плохо сохранившиеся обломки бронзового щита

с клинообразной надписью, содержащей имя царя Сардури.

(Раскопки А. А. Мартиросяна, 1951 г.).

Помещение № 34 (дл. 25,3 м; шир. 4,1). Это была крупная тупиковая кладовая центральной части цитадели. В верхних слоях обнаружено много материала, относящегося к средневековью — тондыри с каменными крышками, жерновов, обломки поливной кера-

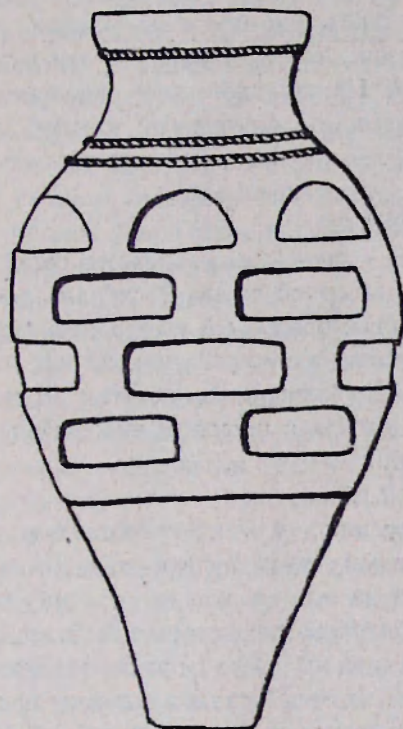

Рис. 8. Карас из кладовой № 33

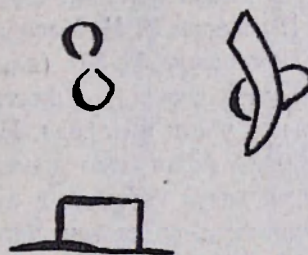

Рис. 8а. Иероглифическая метка на карасе из кл. № 33.

мики и две медные монеты, одна арабская IX в., а другая с именем Ильдегиза.

В кладовой обнаружены сильно разрушенные железные орудия и 170 штук железных грузил, нанизанных на веревку, остатки которой сохранились.

На полу помещения, в средней его части, найдены обломки сосудов с пшеницей, куча сухих плодов слив, алычи, косточки винограда и дольки яблок, указывающие на то, что тут хранились сухие фрукты (определение

А. М. Вермишян). Укажу, что при исследовании останца в кладовой № 15 на деревянном блюде были обнаружены остатки пресованного изюма-кишмиша (определение С. А. Погосяна).

В южной части кладовой лежала крупная зернотерка (дл. 55 см; ширина 30 см) с верхним камнем (дл. 30 см), около которой стояли глиняные сосуды и среди них чаша в форме трилистника. Тут же были обнаружены крупные железные вилы (дл. 62 см), две железные лопаты, железная лопатка (дл. 48 см) с длинной ручкой, заканчивающейся крючком для подвешивания, три круглых в сечении прута (дл. 24 см) с раскованным одним концом, в отверстия которого были продеты кольца. Среди кучи обломков бронзовых и железных предметов обнаружена фаянсовая пронизка в виде фигуры лежащего бычка с подогнутыми ногами.

Наиболее интересными и ценными находками в этой кладовой были бронзовый щит с надписью царя Аргишти, сына Менуа, украшенный изображениями львов и быков, и железный меч с бронзовой рукояткой. Оба эти предмета были найдены в средней части кладовой, непосредственно у западной стены. Щит был поставлен вертикально, около каменного цоколя, лицевой стороной к стене. Повидимому, оба эти предмета, щит и меч, были присыпаны землей. На западной стене около места обнаружения щита и меча был замечен крест, нанесенный красной краской на одном из кирпичей 16 ряда снизу. Возможно, что он служил отметкой, указывающей, где были спрятаны ценные предметы.

(Раскопки С. Есаяна, 1951—1952 гг.).

Помещение № 35 (дл. 25,3 м; шир. 3 м) представляло собою узкий коридор с двумя дверями в северной части. Раскопана лишь половина этого коридора. В нем найдены: бронзовый трехгранный втульчатый наконечник стрелы скифского типа, железный наконечник стрелы со стержнем для насадки, на котором сохранились остатки деревянного древка и два небольших глиняных сосуда с широким туловищем. В помещении найден также череп лошади.

(Раскопки З. М. Касабяна, 1952 г.).

Помещение № 36 (дл. 22,05 м; шир. 4,07 м) представляет собою проходную комнату с шестью дверями, связывающую два отсека центральной части цитадели. Несмотря на это, раскопки помещения дали громадное количество предметов, большинство которых было найдено в средней части комнаты в куче, засыпанной сверху пшеницей и заваленной ветками, вследствие чего многие из вещей сильно пострадали от огня.

По сторонам этой кучи, по оси помещения, лежали два бронзовых щита с посвятельными надписями царя Аргишти, сына Менуа.

В помещении найдено большое количество железных предметов — наконечник копья, три серпа, пять тесел, десять наконечников стрел. Очень интересна железная пила (длиной в 37 см), лучкового типа, с сохранившимися на концах заклепками, закреплявшими рукоятку.

Россыпью лежали также бронзовые наконечники стрел, шестнадцать урартского и пять скифского типов. На одной из наконечников первого типа в двух строках была вычеканена посвятельная надпись Аргишти I.

Тут же лежала небольшая (диам. 5,5 см) гематитовая булава, при-

плюснута-шаровидной формы, дополнившая наши знания об урартском вооружении. На статуэтке бога Тейшебы, в его руке, представлена булава иного типа, скорее, дисковидная.

Найдено двадцать брусков точильных камней, некоторые с бронзовыми кольцами для подвешивания и отдельные бронзовые предметы (бокалы с узорами, вставленные друг в друга, наконечник нижней части ножен меча). Отдельной кучей лежали бронзовые части двух комплектов конского убора с клинообразными надписями царя Менуа. Одни бронзовые удила сохранились отлично, а вторые были сильно повреждены. Кроме удил в наборе обнаружены две налобные пластины, три круглые бляхи без орнамента, пять круглых блях с тремя концентрическими полосами, украшенными точечным орнаментом (на оборотной их стороне оказались остатки ниток с нанизанными бусами из бисера), восемь средних бляшек с полушаровидной средней частью, шесть мелких бляшек и четыре бронзовых колокольчика.

Рядом с предметами конского убора лежала тщательно сложенная группа вещей, представлявших большую материальную ценность. В нее входили шесть бронзовых колчанов, пять из которых были заполнены хорошо сохранившимися стрелами из дерева и тростника с железными наконечниками, а один имел стрелы с бронзовыми наконечниками, причем на трех из них были вычеканены посвятельные надписи царя Сардури. К сожалению, железные наконечники сильно разрушили бронзовые части колчанов и прочесть надписи у их верхних бортов не представлялось возможным.

Под колчанами лежала корзина с двумя планками из кости, богато украшенными резным орнаментом, деревянные прутки корзины были украшены маленькими скульптурными головками львов, вырезанными из рога, из которых сохранилась лишь одна штука. Около колчанов лежал бронзовый пластинчатый панцырь, который, судя по надписям на крупных пуговицах, принадлежал царю Аргишти I. Этот замечательный панцырь подробно опи-

Рис. 9. Костяные пластины с орнаментом (пом. № 36).

сан ниже. Под ним обнаружены остатки парадного кафтана, украшенного вытканым узором и мелкими бронзовыми бляшками.

Между описанными предметами россыпью лежали бусы, подвески-печати и различные украшения. Бус оказалось громадное количество, при большом разнообразии, их описанию посвящена отдельная глава настоящего отчета, там же описаны любопытные подвески и амулеты-печати.

Рис. 10. Головка льва, вырезанная из рога (пом. № 36).

Среди бус найден серебряный дисковидный медальон (диам. 5 см) с изображением мужского божества, золотая серьга, мелкие золотые полусферические пуговицы для нашивания, серебряная булавка с тремя фигурками животных в верхней части, аналогичная найденной в районе Армавироского холма (Исторический музей Академии наук Армянской ССР), костяная булавка, мелкие бронзовые фибулы и браслеты, три из которых были завернуты в тряпку. Тут же оказался сегмент золотого дисковидного слитка (вес 14,85 г). На нем отчетливо заметны следы отпечатков, нанесенных перед его рассечением.

Рис. 11. Серебряный медальон (пом. № 36).

Рис. 12. Серебряная булавка (пом. № 36).

Очевидно эти драгоценные предметы были поделены между отдельными людьми, чем и объясняется находка одной серьги и разрубленного слитка золота.

Немного поодаль от описанной группы предметов лежал бронзовый шлем, совершенно разрушенный окисью, принадлежавший к группе высокохудожественных царских шлемов. Он был украшен изображениями богов перед священными деревьями, боевых колесниц и всадников. К сожалению, сохранность его была настолько плохой, что не удалось прочесть имени царя в посвятельной надписи у нижнего края шлема.

Отдельно лежал также серебряный кувшин (выс. 25 см) с одной ручкой, украшенной орнаментами в верхней и нижней своей части. На горле кувшина были нанесены три иероглифических знака, совпадающие со знаками на одной из бронзовых чаш, на что указывалось выше. Около кувшина кучкой лежали мелкие бусы. Кроме описанных предметов в

помещении № 36 были обнаружены небольшие сосуды разнообразных форм (кувшинчики без ручек, плоская чаша, горшочек с ручкой и носиком для сливания жидкости), керамические диски, слиток бронзы, бронзовые колечки и гвозди, крючки из рога со сквозными отверстиями, служившие, повидимому, узловязателями.

Рис. 13. Серебряный кувшин (пом. № 36).

Таким образом, раскопки этого помещения дали большое количество предметов, уточняющих наши представления о материальной культуре урартов.

(Раскопки А. А. Мартиросяна и Г. М. Бартикяна, 1952 г.).

Помещение № 37 (дл. 25,3 м; шир. 4,63 м). В заполнении комнаты встречено большое количество чисто отесанных базальтовых блоков от карниза, украшавшего верхние части стен цитадели.

В северной части обнаружен жолоб для отвода воды, продолжавшийся и в помещениях №№ 38 и 39.

Громадная тупиковая комната оказалась почти пустой. Лишь в южной ее части обнаружено большое скопление сильно разрушенных железных предметов (четыре кривых ножа, два тесла, массивный топор-колун и множество бесформенных обломков других изделий).

Отдельной кучкой лежали бронзовые предметы: небольшой бронзовый сосудик с мелкими слитками меди, слиток бронзы, ручка бронзового сосуда, украшенная головкой животного с поднятыми ушами. Это второй случай находки на Кярмир-блуре подобных ручек, широко распространенных в центральной части Кавказа (КБ, 1, стр. 92, рис. 60). Этот экземпляр ручки оказался внутри полым.

Неподалеку от этих предметов, также в южной части помещения, был обнаружен бронзовый шлем, с рельефным знаком, аналогичным знаку на шлеме из помещения № 24 (КБ, 1, рис. 38), с той только разницей, что верхняя полоса отделялась от нижней части знака. На борту у нижнего края шлема посвятельная надпись царя Аргишти, сына Менуа.

(Раскопки А. А. Мартиросяна и Г. А. Тирацяна, 1953 г.).

Помещение № 38 (дл. 25,3 м; шир. 3,55 м). Длинная проходная комната, с двумя широкими дверьми в северной стене и в юго-восточном углу. В юго-западном углу был установлен один карас, с отметкой иероглифами 6 акарки и со знаком, похожим на знак, вырезанный на карасе № 26 из кладовой № 28.

В верхнем слое помещения было обнаружено большое количество предметов, провалившихся с обрушенным перекрытием из верхнего этажа — различные бронзовые бляхи, бронзовая чаша, бронзовые браслеты и фибула, сердоликовые бусы, железный кривой нож и глиняный кувшин без ручки, в который был вставлен глиняный стакан с широким растробом. В верхнем же слое обнаружены чешуйки железного пластинчатого панцыря и акинак скифского типа.

В груде обвалившихся сырцовых кирпичей верхней части стены обнаружена небольшая золотая серьга, украшенная напаянной перевитой провололочкой, составляющей узор из кружков и ромбов.

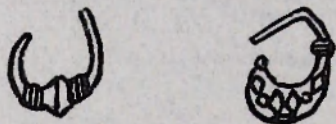

Рис. 14. Золотые серьги из пом. №№ 36 и 38.

Найдены обломки бронзовой пластины, украшенной узором, передающим волосы или гриву льва. В верхней части пластины сквозные отверстия, внизу отогнутый борт также с отверстиями.

Борт украшен орнаментом из бутонов, который встречен на щитах с изображением львов и быков. Судя по выгибу пластины, она могла служить частью шлема, закрывающей шею.

В помещении было найдено большое количество глиняных сосудов различных форм — красные лощеные кувшины и чаши, характерные для урартской керамики, сосуды удлиненной формы для зерна, горшок черного цвета со штампованным узором в виде зигзагов и закавказские кувшины с ручками, украшенными треугольными углублениями. В этом наборе керамики особый интерес представляет сочетание урартских сосудов с местными закавказскими.

В средней части помещения, на полу, был обнаружен замечательный бронзовый щит с надписью Сардури II, украшенный изображениями

львов и быков. Щит лежал лицевой стороной вниз, края его были обломаны при обрушении перекрытия.

В восточной стене помещения имелись две двери, одна вела в кладовую глиняных сосудов (№ 39), а другая в кладовую для вина (№ 40). (Раскопки З. М. Касабяна и Г. М. Бартикяна, 1953 г.).

Помещение № 39 (дл. 13,85 м; шир. 4,1 м). Тупиковая комната, служившая складом глиняных сосудов, которые были установлены в северной ее части. Около жолоба, проходившего поперек комнаты, обнаружено: 57 красных лощеных кувшинов с одной ручкой, 102 плоские миски различных форм, 16 бокалов, 3 светильника, 2 курильницы (аналогичные найденным в кладовых №№ 25 и 28), 2 крупных удлиненных сосуда для зерна и красный лощеный сосуд без ручек. Большинство сосудов было разбито. Обращает на себя внимание отличие форм сосудов в этом складе от сосудов в помещении № 29. Красные кувшины более шаровидны, ручка имеет больший выгиб, горловина ниже, у бокалов широкий раструб в верхней части, которого нет у бокалов из помещения № 29, светильники крупнее и более глубокие. Нет сомнения в том, что сосуды, найденные в двух кладовых, происходят из различных гончарных мастерских. В отличие от кладовой № 29, в кладовой № 39 были сложены уже не раз использованные сосуды, на чашах имеются вырезанные знаки, на ручках красных глиняных кувшинов вырезаны обозначения количества залитой жидкости. Сосуды были составлены кучей, а не уложены ярусами, вследствие этого большинство их дошло разбитыми. Около жолоба был найден обломок фигурного фаянсового сосуда, изображавшего сидящую женщину. Сохранилась лишь голова фигурки и верхняя часть туловища (выс. 3,8 см). На голове низкая шапочка, волосы подстрижены у шеи. Головной убор использован как горлышко сосуда, на спине петля для подвешивания. Вся фигурка покрыта цветной поливой. Этот уникальный предмет является интересным образцом урартских фигурных фаянсовых изделий. Ассирийские фигурные сосуды, покрытые цветной поливой, известны по материалам из раскопок Ашура. Не меньший интерес представляет найденное тут же горлышко темного стеклянного сосуда, украшенного белыми зигзагообразными горизонтально расположенными линиями и кружками (высота сохранившейся части 3,5 см).

Рис. 15. Фаянсовый фигурный сосуд (пом. № 39).

В кладовой обнаружены также обломки закавказских глиняных сосудов и бронзовый двуперый наконечник стрелы скифского типа. При раскопках были найдены остатки сгоревшего человеческого скелета, причем в несгоревшей правой височной части черепа было обнаружено полушарие мозга, сохранившее свою форму. Эта интересная находка была

в целях консервации пропитана бутваром. Таким образом, в этой части цитадели, наиболее удаленной от боковых ворот, через которые был произведен штурм крепости, встречаются уже остатки людей, погибших при пожаре.

(Раскопки З. М. Касабяна, 1953 г.).

Помещение № 40 (дл. 10,78 м; шир. 4,14 м). Эта небольшая кладовая была предназначена для хранения вина. Она имела четыре двери, две в западной стене, одну в восточной и одну в северной. Широкие двери в восточной и западной стенах вели также в кладовые для вина. Обнаружено двадцать карасов, вкопанных в земляной пол тремя рядами по длине комнаты. Большинство карасов имело иероглифические обозначения емкости, от 5 акарки 1 теруси до 3 акарки 5 теруси. На одном целом карасе, в сев.-вост. углу, обозначение отсутствовало, а на пяти разбитых не было обнаружено. Возможно же все карасы имели отметки емкости. Всего в этой кладовой хранилось около 20 тысяч литров вина. В момент гибели кладовой в карасах еще находилось вино, на что указывает темный цвет стенок нижних частей карасов и характерная окраска грунта заполнения этих частей, исследованного в Институте виноделия и виноградарства Министерства пищевой промышленности Армянской ССР. В кладовых №№ 25 и 28 карасы в момент гибели крепости были порожними.

Лишь в четырех карасах кладовой № 40 оказались находки: в карасе № 8 — бронзовый браслет, а в карасах №№ 17, 18 и 19 (в северной части кладовой) куски золотой листовой обкладки фигурки льва. Сохранился обломок листа, обтягивавший голову зверя, с широко раскрытой пастью. В лобной части была вставлена яркоголубая бусина. Имеются также пластинки с изображением гривы и пластинки от частей туловища. Трудно объяснить находку этих золотых обломков в карасах с вином. Несомненно, в карасы бросались лишь кусочки золота, без деревянных частей предмета, и бросались они, когда в карасах было еще вино, так как все кусочки обнаружены на самом дне, в конусе сосуда. Невольно возникает предположение о существовании древнего обычая бросать в вино золото, который пока что не удается подкрепить этнографическим и археологическим материалом.

В кладовой, около карасов, было найдено несколько глиняных сосудов-кувшин с ручкой, бокал, плоская чашка, сосуд для зерна, обломки светильника.

И в этом помещении были обнаружены остатки споревших скелетов людей, погибших при пожаре. Из заполнения верхних частей двух карасов были извлечены кости одного скелета, что указывает на то, что этот скелет попал в кладовую вместе с обрушившимся перекрытием. В верхнем слое помещения найдены железные чешуйки пластинчатого панциря, отличающиеся по форме от найденных в помещении № 38.

(Раскопки Г. М. Бартикяна, 1953 г.).

Исследования центральной части цитадели обнаружили и там большое число помещений хозяйственного назначения — закрома для зерна,

винные погреба, весьма крупные по своим размерам. Уже зафиксировано хранские около 170 тысяч литров вина, но широкие двери, ведущие в еще нераскопанные помещения, указывают на то, что раскопки откроют еще несколько кладовых с карасами для вина. По материалам раскопок цитадель города Тейшебы все явственнее выступает как крупнейший хозяйственный центр.

* * *

В 1954 году продолжались раскопки в центральной части цитадели. Были раскопаны три кладовые для вина (№№ 41, 43, 44), примыкавшие и связанные с кладовой № 40. В первой из них было открыто 45 карасов, во второй 32 караса, третья же кладовая была разрушена и перерыта еще в средние века, но судя по тому, что она по размерам совпадала со второй, можно предположить, что в ней было также не меньше 30 карасов. На сосудах имелись цифровые обозначения, выполненные как клинописью, так и иероглифами, причем клинопись наносилась поверх иероглифического, иногда затертого текста. В ранее раскопанных кладовых (№№ 25, 27 и 40) на каждом сосуде было по одной отметке, что давало основание видеть в них отметку вместимости сосудов. В кладовых 41 и 43, на некоторых карасах имеется по три различных обозначения. Поэтому более вероятным является предположение о том, что обозначения на карасах отмечали количество залитого в них вина, что до некоторой степени соответствовало их емкости.

Кладовые, исследованные в 1954 г., носят следы долговременной жизни, причем были установлены случаи замены старых негодных карасов новыми. Старый карас не удалялся целиком, в земляном полу оставалась его нижняя часть, в которую вставлялся новый, заменивший его карас.

В кладовой № 41 было обнаружено большое количество бронзовых частей конских уборов с надписями царей Аргишти I и Сардури II, а также несколько крупных бронзовых сосудов.

В кладовой № 43 и в прилегающем к ней помещении (№ 44) были обнаружены сильно обгорелые остатки костяков людей, погибших во время штурма крепости, при которых оказались отдельные предметы (сердоликовые бусы, золотой браслет, пряжки из рога в форме птичьих головок и др.).

ПРЕДМЕТЫ УРАРТСКОГО ВООРУЖЕНИЯ

Раскопки Кармир-блур дали большое количество бронзовых и железных предметов вооружения, часто хорошо датированных вычеканенными на них клинообразными надписями, содержащими имена урартских царей.

За двенадцать истекших лет работ экспедиции обнаружено: шесть шлемов, одиннадцать щитов, четыре образца пластинчатых панцирей, двенадцать колчанов, некоторые заполненные стрелами, два железных меча с бронзовыми рукоятками, многочисленные железные кинжалы, наконечники копий и дротиков.

Эти предметы позволяют нам с полной достоверностью восстановить облик урартского воина VIII—VII вв. до н. э. Они отчетливо подтверждают предположение о том, что в это время урартское вооружение было весьма близким к ассирийскому, тогда как раньше, в IX в. до н. э., урарты были вооружены по хеттскому образцу¹.

Многочисленные изображения воинов на рельефах во дворцах ассирийских царей, особенно Ашурнасирпала II, Саргона, Синахериба и Ашурбаинпала, помогают нам выяснить назначение, применение и способ ношения многих из найденных на Кармир-блуре урартских предметов.

Точно датированное урартское вооружение, аналогии которому в большом числе можно встретить в могильниках Закавказья, а в меньшем количестве — Северного Кавказа, имеет важное значение для датировки памятников закавказской культуры. С другой стороны, лишь при учете этого материала можно подойти к правильному решению вопроса о влиянии урартской материальной культуры на Закавказье и Северный Кавказ. Учет этого материала покажет, действительно ли урартские железные предметы, проникшие в Закавказье, вызвали там быстрый переход к широкому применению железа, с использованием богатых местных железных руд.

Шлемы. Урартские боевые шлемы по своей форме очень близки к ассирийским — это простой остроконечный шишак, имеющий на нижнем краю, около висков, две петли для прикрепления ремня. Ассирийский шлем этого типа был найден при раскопках в Фивах, в Египте², а многочисленные изображения остроконечных шлемов можно видеть на релье-

¹ С. М. Бацнева, Борьба между Ассирией и Урарту за Сирию. Вестник древней истории, 1953, № 2, стр. 27.

² W. M. Flinders Petrie, Six temples at Thebes, pl. XXI.

фах дворца Ашурнаирпала II в Калху. Там, на крупных фигурах воннов, можно даже заметить детали украшений шлемов — выпуклые полосы нижнего края, нечто вроде полукружья и отдельные выпуклые линии на лобной части.

Подобные украшения имеются и на предметах из наших раскопок. Так, шлем, найденный в 1948 г. в помещении № 18 (Кармир-блур, I, стр. 56, рис. 33), имеет четыре выпуклые полосы по нижнему краю и вертикальную линию на лобной части. А на шлеме, обнаруженном в помещении № 24, в том же 1948 г. (Кармир-блур, I, стр. 59, рис. 38), на лобной части помещен крупный выпуклый знак, в котором я усматривал перун бога громовика Тейшебы. Такой же знак, с небольшим отличием, выражающемся в том, что вертикальная полоса в верхней части отделена от нижней части, имеется на шлеме, найденном в 1953 г. в помещении № 37.

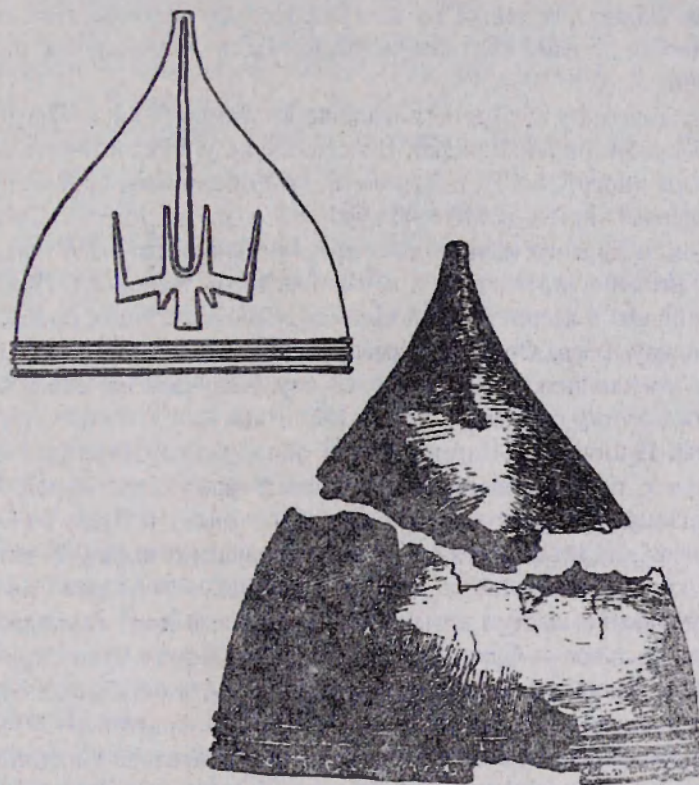

Рис. 16. Бронзовый шлем с надписью Аргишти I (пом. № 37).

По нижнему краю шлема, между третьей и четвертой полосой вычеканена круговая клинообразная почитательная надпись урартского царя Аргишти, сына Менуа.

ḫal-di-e e-ú-ti-e i-ni ku-bu-še-[e] ḫar-[gi-iš-ti]-še me-nu-a-ḫi-pi-[še uš]-tú-ni «Богу Халди, господину, этот шлем Аргишти, сын Менуа, подарил».

К раскопанным шлемам, украшенным изображениями урартских богов, боевых колесниц и всадников, относятся три шлема. Один из них, найденный в 1950 г. в кладовой № 28 (Кармир-блур, II, стр. 38, вклейка у стр. 40), имел посвятельную надпись Аргишти, сына Менуа. Другой, из раскопок 1947 г. в кладовой № 10 (Кармир-блур, I, стр. 63, рис. 40, а-в), принадлежал Сардури, сыну Аргишти. Третий же, обнаруженный в 1952 г. в кладовой № 36, около группы колчанов, был совершенно разрушен окисью. На нижнем краю шлема удалось различить лишь отдельные знаки посвятельной надписи, а из изображений расчистить части фигур божеств, помещенных, так же как и на вышеотмеченных шлемах, в рамку из восьми сказочных змей со львиными головами. Имя урартокого царя, посвятившего этот шлем, установлено не было.

Мне уже приходилось указывать на то, что шлемы царей Аргишти I и Сардури II отличны друг от друга по стилю изображений, при полном тождестве сюжета, а также по эпиграфическим особенностям клинописи. Нет сомнения в том, что они изготовлены и расчеканены различными мастерами.

Металлические шлемы в могильниках Закавказья и Северного Кавказа встречаются крайне редко. В могильнике у дороги Бешташени — Сафар Хараба (погр. № 13), в Триалети, был обнаружен сильно поврежденный бронзовый шлем конической формы с двумя выступами-наушниками¹. Обломок другого конического шлема происходит из Абхазии и относится к комплексу предметов т. н. «кобанского» типа (сел. Приморское)². Больше общего с ассирийскими шлемами имеет обломок бронзового шлема из Фаскау (Сев. Осетия)³, имеются сведения, что один бронзовый шлем из могильника Верхняя Рутха украшен знаком, совпадающим со знаком на Кармир-блурском шлеме 1953 года.

Щиты. В цитадели Кармир-блур обнаружено одиннадцать бронзовых щитов с посвятельными надписями урартских царей VIII в. до н. э. — Аргишти I (7 щитов), Сардури II (3 щита) и Русы I (1 щит). Все щиты имеют характерную форму, напоминающую шляпу с полями. Диаметр их колеблется от 0,7 м до 1 м. Средняя часть щита представляет собою конический выступ на низком барабане, в двух случаях она имеет изображения львов и быков, расположенных в трех концентрических полосах, разделенных орнаментальными фризами, в остальных случаях щиты имеют ровную, гладкую поверхность. На борте щита, вокруг конического выступа, помещается клинообразная посвятельная надпись, обычно повторенная в двух строках (четыре щита имеют однострочную надпись). С внутренней стороны к щиту приклепаны три ручки, служащие для его подвешивания, одна крупная и две меньшие. Крупная ручка помещена в

¹ Б. А. Куфтин, *Археологические раскопки в Триалети, I*, Тбилиси, 1941, стр. 68, табл. XI.

² Б. А. Куфтин, *Материалы к археологии Колхиды, I*, Тбилиси, 1949, стр. 140-табл. X.

³ П. С. Уварова, *Могильники Северного Кавказа. Мат. по арх. Кавказа, V*, 1900, стр. 276, рис. 211.

верхней части диска, по линии вертикального сечения, с наружной стороны ее положение определяется полусферическими гвоздиками, по три с каждого конца ручки. Меньшие ручки расположены радиально в левой и правой половинах верхней части щита, каждая ручка приклепана двумя гвоздиками.

Урартские щиты описанной формы нам хорошо известны по рельефам из дворца Саргона и по тексту из Ашура, описывающему восьмой поход Саргона против Урарту (Кармир-блур, I, стр. 63). Подлинные такие щиты были открыты при раскопках на Топрах-кале, около Вана, еще в 1879 и 1880 гг. Э. Клейтоном и О. Рассамом¹.

На Кармир-блуре бронзовые щиты обнаружены в следующих помещениях: 1) щит без надписи, пом. № 2, 1940 г., 2) щит Аргишти I, пом. № 3, 1940 г., 3) щит Аргишти I, пом. № 28, 1950 г., 4) щит Русы I, пом. № 28, 1950 г., 5) обломки щита Сардури II, пом. № 33, 1951 г., 6) щит Аргишти I, пом. № 34, 1951 г., 7) щит Аргишти I, пом. А, примыкающее с запада к пом. № 19, 1951 г., 8) обломки щита Сардури II, пом. А, 1951 г., 9) щит Аргишти I, пом. № 36, 1952 г., 10) щит Аргишти I, пом. № 36, 1952 г. и 11) щит Сардури II, пом. № 38, 1953 г.

Привожу транскрипцию текстов на щитах №№ 9 и 10 ⁴Hal-di-e e-ú-gi-e i-pi a-še ^mAr-gi-iš-ti-se ^mMe-pu-a-ḫi-pi-še ^{al}Ir-bu-pi-e-di (на щите № 10 ^{al}Ir-e-bu-pi-e-di) uš-tú-pi ^mAr-gi-iš-ti-pi (на щите № 10 добавлено отчество ^mMe-pu-a-ḫi...) ŠÁRRU DAN-NU ŠÁRRU al-su-i-pi (этот титул на щите № 10, повидимому, отсутствует) ŠÁRRU ^{ma}Bi-a-i-pa-ú-e a-lu-si ^{al}Tu-us-ra patagi «Богу Халди, владыке, этот щит Аргишти, сын Менуа, для города Ирбуни (вар. Иребуни или Еребуни) подарил. Аргишти, сын Менуа, царь могучий, царь великий, царь страны Биайны, князь города Тушпы».

Большой интерес представляет вариант написания имени города ^{al}Ir (или Er)-e-bu-pi. Первый знак в урартских надписях раскрывается фонетически как e-gi (ср. тексты Менуа, рассказывающие о победе над закавказским племенем Ерикуа (написания ^mEr(Ir)-ku-a или E-gi-ku-a). Это обстоятельство делает вполне вероятным предположения М. А. Исраелян и А. Б. Мирзояна о том, что имя города Еревана происходит от имени древней урартской крепости Ирбуни (по уточненному теперь чтению Еребуни), развалины которой сохранились на холме Арин-берд, на юго-восточной окраине Еревана².

Для города Еребуни был изготовлен, судя по тексту надписи, замечательный щит Аргишти, сына Менуа, обнаруженный в 1951 г. в помещении № 34. Щит этот украшен изображениями львов и быков, размещенными в трех концентрических полосах, разделенных орнаментом, пред-

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien einst und jetzt*, II, вып. 2, 1931, стр. 533; R. D. Barnett, *The Excavations of the British Museum at Toprak-kale near Van. Iraq. vol. XII*, 1950, стр. 1—43.

² М. Исраелян, Две новые урартские надписи. Изв. АН Армянской ССР, сер. общ. наук, Ереван, 1951, № 8, стр. 97 (на арм. яз.); А. Мирзоян, К вопросу возникновения названия Еревана, там же, 1951, № 11, стр. 98—99 (на арм. яз.).

стабляющим собою бутоны, связанные полукружьями. Такой орнамент имеется на обломке щита Русы, сына Эрмены, поступившем в Берлинский музей¹, а также на обломке колчана с изображениями львов и быков из помещения № 28 (Кармир-блур, II, стр. 37, рис. 20).

Фигуры животных на щите расположены с учетом вертикального положения предмета. В четырех секторах щита они расположены в разные стороны, так что ни одна из фигур не дана в перевернутом виде.

Рис. 17. Бронзовый щит с надписью Аргишти I (пом. № 34).

Во внешней полосе размещено 28 изображений львов, в средней 20 изображений быков, а в полосе, примыкающей к центру, всего 8 изображений львов. Центральная часть щита занята 38-лепестковой розеткой, подобно той, которая имеется на щите Британского музея².

Второй щит, украшенный изображениями львов и быков, был обна-

¹ C. F. Lehmann-Haupt, *Matérialien zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens*, Abhandl. der Königl. Gesellsch. der Wiss. zu Göttingen. Philol.—Hist. Klasse. IX, 3, 1906, стр. 35, рис. 70.

² Iraq. XII, 1950, табл. X, I.

ружен в 1953 г., в помещении А. Он лежал на полу, выпуклой частью вниз.

На борту щита вычеканена однострочная клинообразная надпись:
 «Hal-di-e e-ú-ri-e i-ni a-še ^mSAR₅-du-ri-se ^mAr-giš-ti-ḡi-ni-še [us-tú]-
 -ú-ni ^dHal-di-ni-ni al-su-i-[šī-ni] ^mSAR₅-du-[ri-ni ŠĀRRU DAN]-NU
 ŠĀRRU al-su-i-ni ŠĀRRU ^{ma}Bi-a-i-pa-ū-e a-lu-si-e ^{al}Tu-uš-ra-e pa-tari-e.
 «Богу Халди, владыке, этот щит Сардури, сын Аргишти, подарил. Халди
 величием Сардури, царь могучий, царь великий, царь страны Блайны.
 князь города Тушпы».

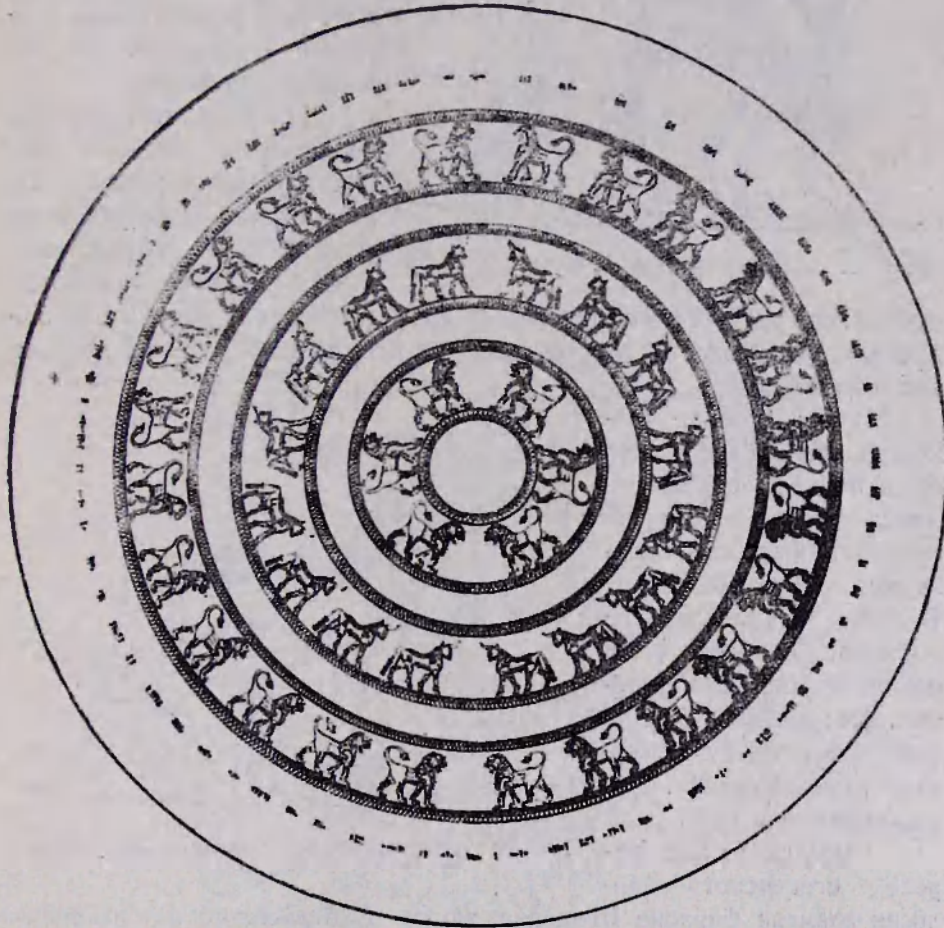

Рис. 18. Бронзовый щит с надписью Сардури II (пом. № 38).

Количество фигур животных на щите Сардури II меньше, чем на вышеописанном щите Аргишти I. Внешняя полоса содержит 24 изображения львов, средняя 16 изображений быков, верхняя полоса 6 изображений львов. Центральная розетка отсутствует, полосы, заполненные фигурами животных разделены орнаментальным пояском из бутонов, совпадающих с пояском на щите Аргишти I. Фигуры животных на щите Сардури II выполнены лучше, чем на щите Аргишти, расчеканка на них значительно

тоньше и детальнее. Нет сомнения в том, что эти два предмета изготовлены различными мастерами.

Панцырь. Остатки бронзового чешуйчатого панцыря на Кярмир-блуре были открыты впервые в 1951 г. в помещении А, примыкающем к пом.

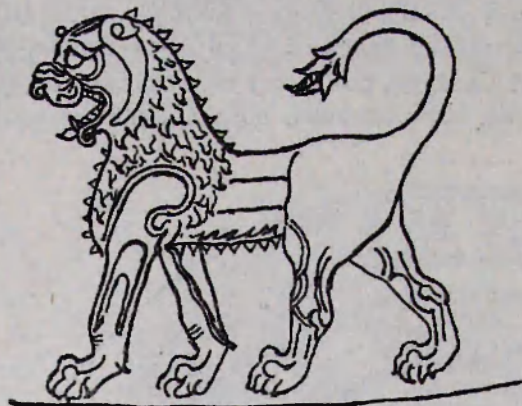

Рис. 19. Изображение льва на щите Сардури II.

№ 19. Там, на полу, обнаружена куча однотипных бронзовых пластинок, дл. 3 см и шириной 1,5 см. Нижний край пластин закруглен, в верхнем пробито по три отверстия, расположенных в ряд и служивших для их нашивки на основу.

Пластинчатый панцырь на древнем Востоке был широко распространен. На ассирийских рельефах часто изображаются воины, одетые в короткие панцырные

рубахи, без рукавов¹. Исследователи древневосточного вооружения допускали возможность изготовления такого панцыря как из металла, так и из кожи².
При раскопках „сокровищницы“ в Персеполе были найдены отдельные панцырные пластинки разной величины, как бронзовые, так и железные. В одном случае мелкие железные чешуйки были обтянуты листовым золотом. Все пластинки в верхней части имели отверстия для нашивания, расположенные в один ряд³.

Имеется также образец египетского панцыря времени фараона Шешонка, также составленного из нашивных бронзовых пластинок с закругленным нижним краем⁴.

Рис. 20. Изображение быка на щите Сардури II.

¹ P. E. Botta, E. Flandin, Monument de Ninive, P. 1849, I, табл. 77; II, табл. 94, 99, 145.

² H. Bonnet, Die Waffen den Völker des alten Orients, 1949, стр. 209.

³ E. F. Schmidt, The Treasury of Persepolis. Oriental Institute Communications, № 21 Chicago, 1939, стр. 44. рис. 27, в—е.

⁴ W. M. Flinders Petrie, Tools and Weapons. London, 1917, стр. 38, табл. XLII; W. Wolf, Die Bewaffung des altägyptischen Heeres, 1926, стр. 96.

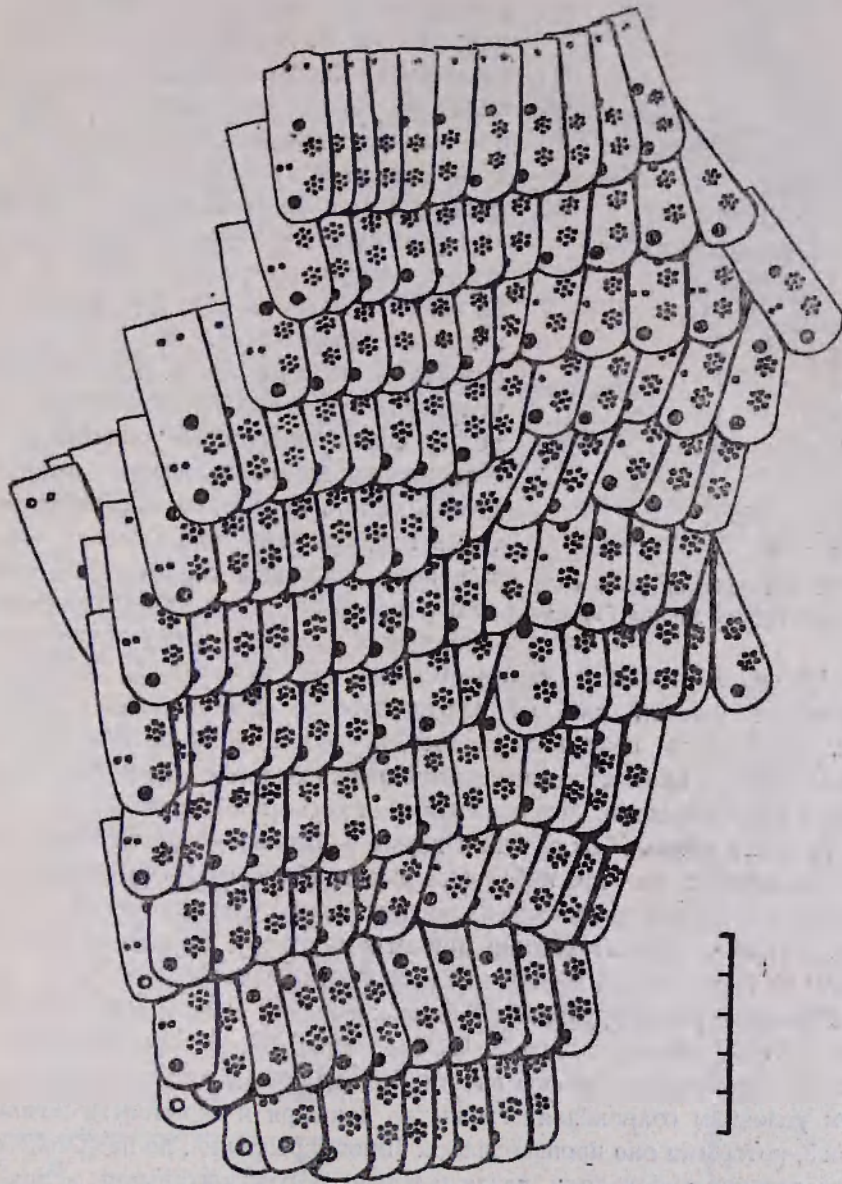

Рис. 21. Панцырь царя Аргишти I (пом. № 36).

Указанные примеры дают основания предполагать, что этот тип защитного вооружения был широко распространен на древнем Востоке.

Рис. 22. Ассирийский воин в панцире (рельеф во дворце Саргона).

Поэтому, находка великолепного пластинчатого панцыря в 1952 г., в помещении № 36, не была для нас неожиданностью. Панцырь лежал в собранном виде на полу, под кучей различных предметов. Одна из сохранившихся частей его дает полное представление о расположении чешуек, имевших различные размеры. На местах сгиба применялись чешуйки меньшего размера, чем на гладкой поверхности. Все пластинки, в правой своей части, были украшены розетками, из семи точек, выполненными чеканом, путем удара с обратной стороны. Среди множества пластинок, составлявших панцырь, можно выделить девять типов, причем некоторые из этих типов представлены единичными экземплярами.

Пластины первого типа самые многочисленные и их следует считать основными (длина 5,2 см, при ширине 1,7—1,9 см и толщине около 0,1 см). В верхней их части, на расстоянии 0,5—0,7 см от края, пробито два маленьких отверстия, смещенных несколько вправо. На средней вертикальной оси пластины, немного ниже середины, расположено большое отверстие. Другое такое же отверстие находится в нижней закругленной части пластины, но оно смещено влево. Между этими двумя большими отверстиями, у левого края, имеются еще две небольшие дырки. Количество отверстий на отдельной пластине и сложность их расположения указывают на то, что панцырь этот не состоял из пластин, нашитых на основу, а представлял собою рубаху из скрепленных между собою металлических чешуек¹.

Привожу реконструкцию системы крепления между собою пластин первого типа, предложенную В. С. Сорокиным. Крепление преследовало цель дать прочное соединение пластин между собою, удовлетворяя вместе с тем условиям сохранения гибкости панцыря и скрытности кожаных ремней, которыми оно производилось. Линии крепления, по предложенной реконструкции, проходили исключительно в горизонтальном направлении. Соответственно четырем рядам отверстий, каждая пластина скреплялась с другими в четырех местах. Однако посредством пары малых верхних отверстий она скреплялась с соответствующей пластиной выше расположенного ряда через ее большое отверстие в средней части. Это крепле-

¹ Система такого крепления описана в работе В. Thordeman, *The asiatic splint armour in Europe*, Acta Archaeologica, IV, 2—3, Kobenhavn, 1933, стр. 117—150.

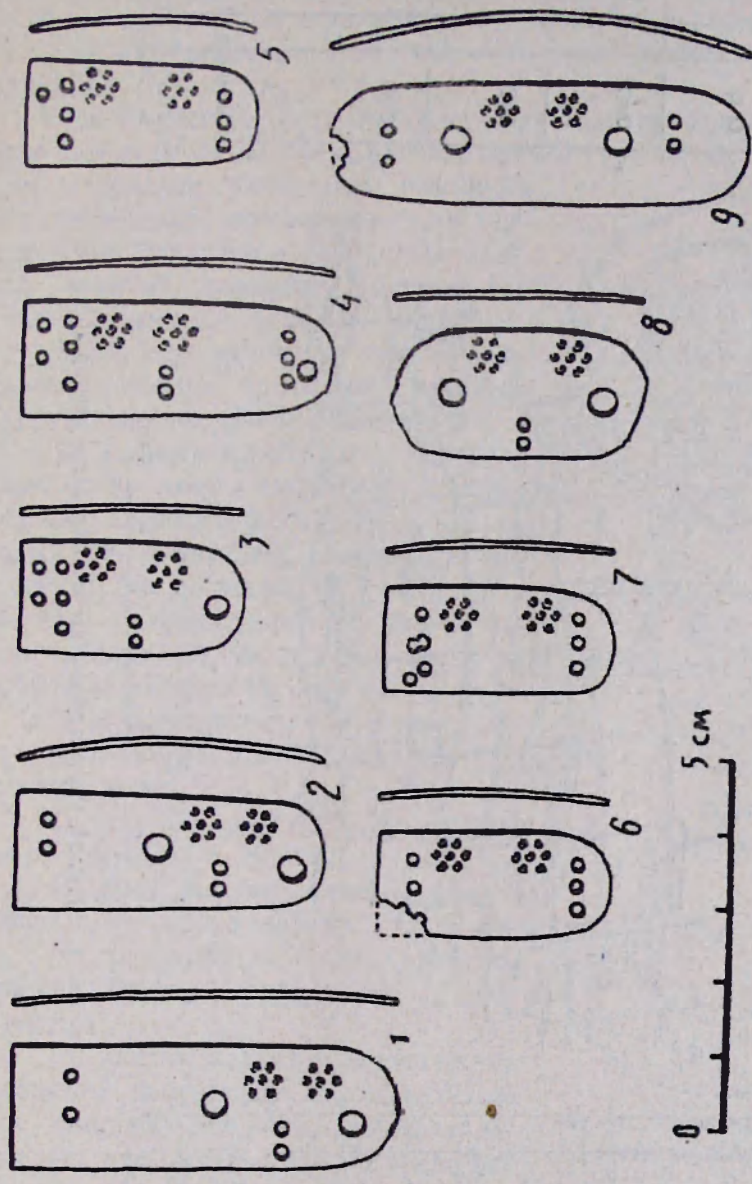

Рис. 23. Пластины панцыря Аргшга I.

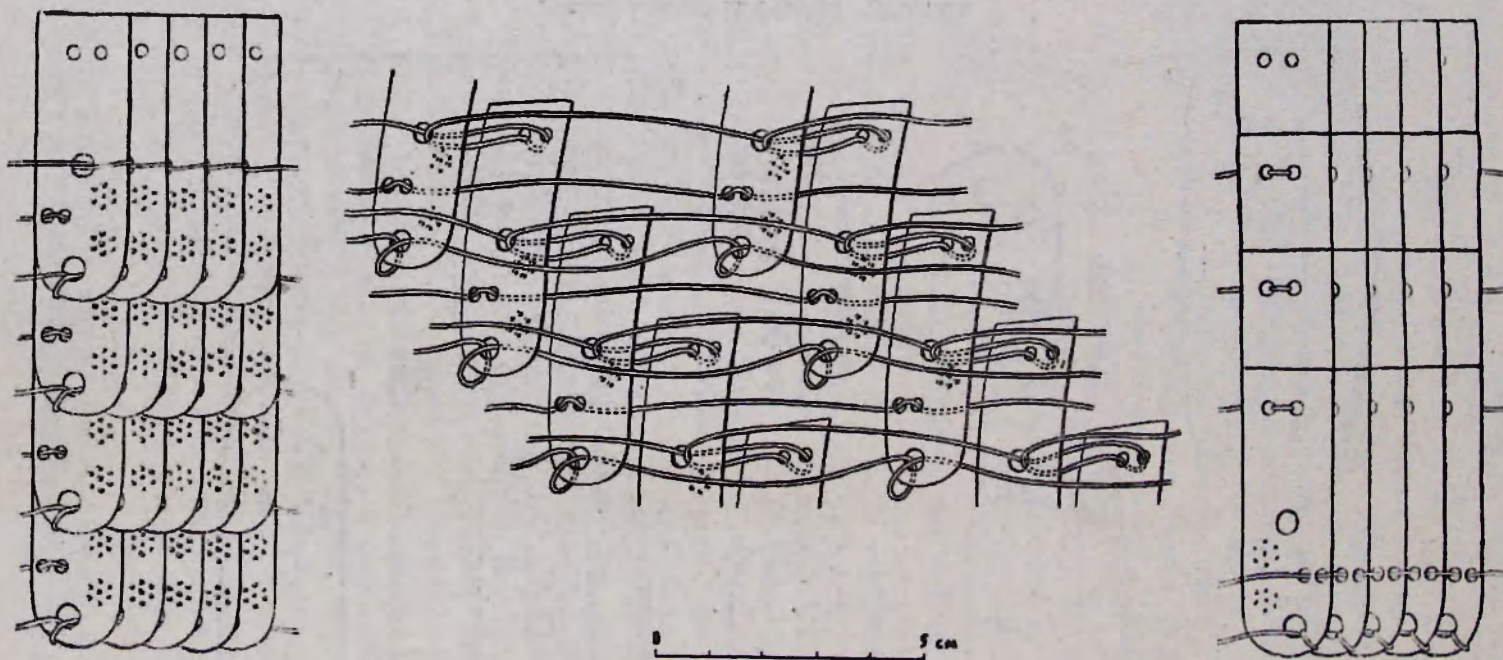

Рис. 24. Реконструкция крепления пластин панцыря.

нис создавало связанность рядов панцыря. Нижняя же пара малых отверстий, так же как и нижнее большое отверстие, служили скреплению пластин между собою в горизонтальных рядах.

Таким образом пластины каждого горизонтального ряда скреплялись между собою в трех местах. Это создавало прочность крепления, но в то же время не нарушало гибкость панцыря. Скрытность крепления достигалась как размещением отверстий на пластинах, так и способом продевания крепящих ремешков, что видно на прилагаемом чертеже реконструкции.

При предлагаемом креплении снаружи были видны только налегающие друг на друга пластины, украшенные в правой части розетками, в таком положении находились пластинки непопавшей при пожаре части панцыря. Нет сомнения в том, что описанное сложное крепление применялось лишь для панцыря большой ценности.

У нас есть основания считать описанный панцырь предметом царского вооружения, пожертвованного в храм.

В потрепанной части панцыря были обнаружены четыре бронзовые пуговицы, первоначальное положение которых, к сожалению, определить не удалось. Три пуговицы были разрушены окисью, но одна сохранила клинопись, помещенную как на лицевой, так и на оборотной стороне. На лицевой стороне, в двух концентрических строках, вокруг центральной розетки, имеется следующий текст:

1) Hal-di-e e-ú-ti-e 2) i-ni kar-ka-ra-ni Ar-giš-ti-še NI'G.BA

1) „Богу Халди, владыке, 2) этот панцырь Аргишти подарил“.

На оборотной стороне пуговицы краткий текст: za Ar-gi-iš-ti „(даря) Аргишти“.

Это обилие мелких клинообразных надписей, отмечающих имя владельца или заказчика предмета, невольно заставляет вспомнить слова урартских текстов, являющихся проклятием против тех «кто другой скажет — я создал это, кто мое имя разрушит и свое имя поставит».

В 1953 г. при раскопке помещений №№ 38 и 40 было найдено большое количество железных пластин от двух панцырей. В помещении № 38 было собрано 159 пластин с тремя отверстиями в верхней части, помещенными в

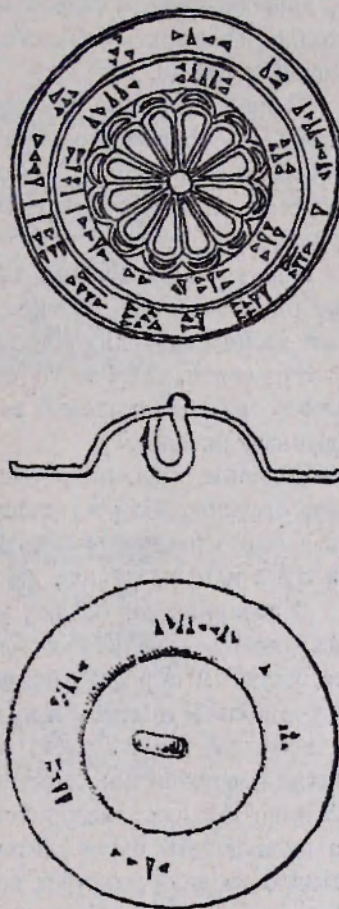

Рис. 25. Пуговица от панцыря с надписью Аргишти I.

ряд (дл. 3 см; шир. 1,8 см) и 13 пластин более крупного размера (дл. 4,8 см; шир. 2,2 см), последние, кроме трех отверстий сверху, имели еще по одному отверстию в правой своей части, расположенными немного ниже середины чешуйки. Повидимому, эти крупные пластины находились в нижней части панцыря.

Чешуйки второго панцыря, обнаруженного в верхней части помещения № 40 (в обвале верхнего этажа), несколько отличались от описанных. Мелких пластин (дл. 3 см; шир. 1,8 см) было собрано 150 штук, а более крупных (дл. 5,5 см; шир. 2 см) оказалось 20 штук, причем они имели только три отверстия, помещенные в средней части пластины. Эти чешуйки железных панцрей могут быть сопоставлены со скифскими панцрями, дошедшими в большом количестве, что подкрепляется также фактом находки железного кинжала-акинака вместе с пластинками панцыря в помещении № 38.

Ранние скифские панцыри (конца VII—VI вв.) составлялись и из бронзовых чешуек (раскопки А. А. Бобринского в Жаботине, 1913 г., № 524 и раскопки у сел. Смелы, 1904 г., № 432), имеющих два или три отверстия, иногда с добавочным отверстием в правой или левой части пластины.

Наряду с бронзовыми пластинчатыми панцрями у скифов были широко распространены железные панцыри, которые с V в. до н. э. становятся господствующим типом.

Эти связи урартского вооружения со скифским представляют для вопроса взаимоотношений скифов со странами древнего Востока первостепенный интерес.

Колчаны. В первом тысячелетии до н. э. лук, как один из основных видов оружия, был уже распространен по всему древнему Востоку, тогда как в более раннее время отчетливо различаются районы распространения лука или же копья¹.

В ассирийском войске, уже с древнейшего времени, известны два вида пехоты — тяжелая и легкая. К первой относились воины, игравшие, главным образом, оборонительную роль. Они были вооружены обычно копьем и мечом и имели щиты, превышающие по своим размерам человеческий рост. Легкая пехота состояла из лучников, пращников и воинов, вооруженных копьями, и играла активную роль в наступательном действии. Вся сила ассирийской пехоты состояла в том, что в ней эти два вида пехоты были слиты воедино. Боевое звено ассирийцев обычно состояло из двух или трех воинов — легко вооруженный лучник или же два лучника действовали под прикрытием воина, имевшего щит и вооруженного лишь копьем и мечом.

Среди луков, которыми были вооружены ассирийские воины, различаются два вида: один — деревянный, большого размера, с равномерным изгибом, другой — меньшего размера, с угловым выгибом в средней части. Повидимому, второй тип лука представлял собою составной

¹ Б. Б. Пиотровский, Военное дело (в древнем Двуречье). Очерки по истории техники древнего Востока. Изд. АН СССР, 1940, стр. 116—118.

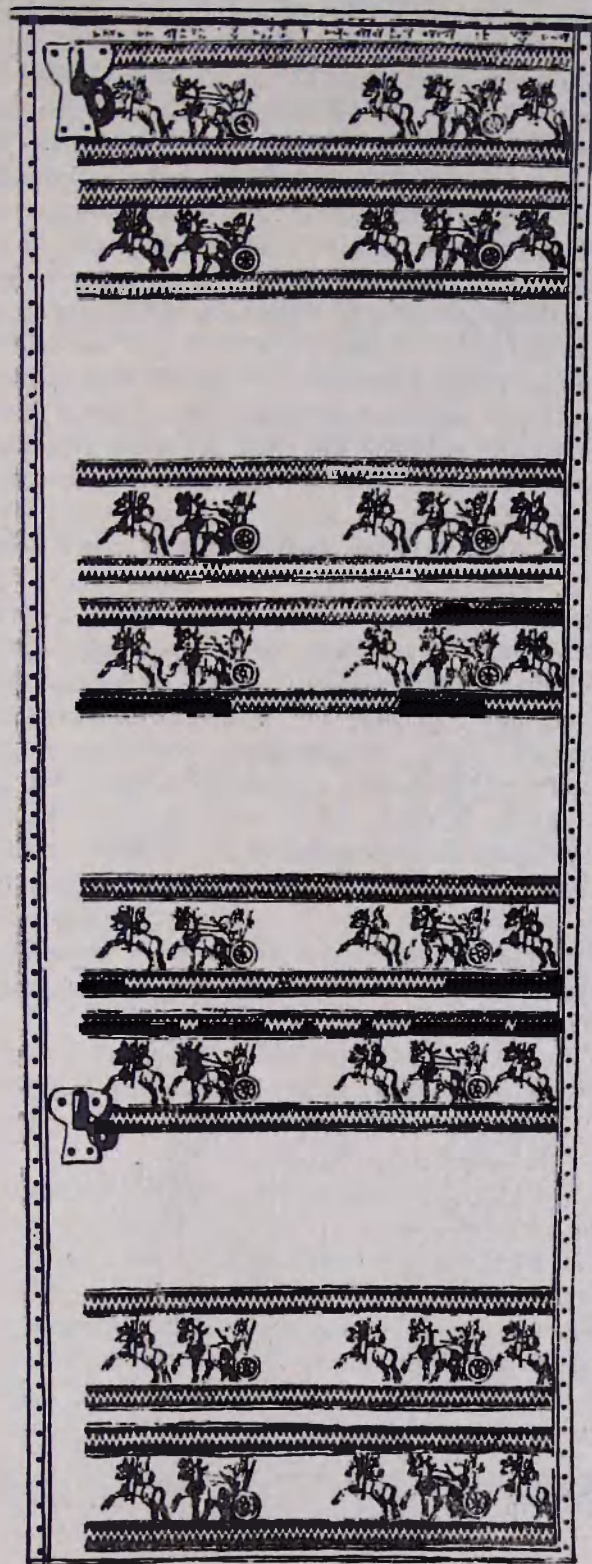

Рис. 26. Развернутое изображение колесниц и всадников на колчане.

лук, который, как это можно судить на основании клинописных текстов, изготовлялся из дерева, рога и металла. На одном рельефе из Куюнджика (Ниневии) имеется изображение натягивания лука двумя воинами, один из которых, упершись коленом, выгибает деревянную основу, другой же натягивает тетиву. Урартские луки известны нам плохо, но громадное количество бронзовых и железных наконечников стрел свидетельствует о том, что они были одним из основных видов вооружения. На каменной статуе из Вана изображен лук большого размера, но нижняя часть статуи, где помещено это изображение, сильно разрушена.

О закавказском луке первой четверти I тысячелетия до н. э. мы можем судить по изображениям на бронзовых предметах и керамике. Там наличны два типа луков — один в центральном Закавказье, крупный, другой же — в восточном Закавказье, сравнительно небольшого размера¹.

При раскопках Кармир-блур остатки луков пока что еще не обнаружены, но бронзовые колчаны для стрел известны в сравнительно большом количестве (12 штук). Кроме того, в 1948 г., в помещении № 13 была найдена доска, обтянутая кожей, возможно часть колчана. Вместе с ней обнаружен бронзовый наконечник стрелы с остатками тростникового древка.

Бронзовые колчаны представляли собою трубку длиной ок. 65—70 см, изготовленную из согнутой бронзовой пластины. В сечении колчан, как это можно видеть по бронзовым частям донца, не был овальным, одна его сторона была полукруглой, а другая сходилась углом. Не вся поверхность колчана была металлической, некоторая его часть, повидимому та, которая соприкасалась с туловищем воина, была кожаной. К металлической части, вверху и внизу прикреплялись кольца для ремня.

Колчаны украшались горизонтальными орнаментальными поясками, между которыми часто помещались изображения. Наиболее обычным орнаментальным мотивом являлись полосы, заполненные зигзагообразной лентой. Пространство между этой лентой и контуром пояска заполнено точками, что создает впечатление треугольников, отходящих от контура пояска, направленных вершинами внутрь.

Один такой колчан, с посвятительной надписью царя Аргишти I, был обнаружен в кладовой № 28 (Кармир-блур, II, стр. 35, табл. 16). Второй найден в 1940 г. в пом. № 12, а третий в 1945 году при раскопках жилища у северо-западных ворот цитадели.

Лучшие образцы урартских колчанов с посвятительными надписями Сардури, сына Аргишти происходят из помещения № 5 (раскопки 1940 г.) и помещения № 13 (раскопки 1948 г.). Они украшены восемью полосами с изображением всадников и боевых колесниц. В каждой полосе помещено по три всадника и по две колесницы. Таким образом, общее количество изображений на одном колчане доходит до 40.

В 1952 г. в помещении № 36 в куче различных предметов, засыпанных зерном и заваленных ветками, было обнаружено шесть, лежащих

¹ Б. Б. Петровский, Археология Закавказья. Изд. Ленинградского Госуд. университета, 1949, стр. 76.

друг возле друга колчанов, заполненных стрелами, в одном случае бронзовыми, во всех других — железными. Наличие железных стрел в колчанах привело к полному разрушению колчанов, настолько, что не представлялось даже возможным не только прочесть посвященные надписи у верхнего края, но и установить их украшения.

Только на двух колчанах сохранились остатки двухстрочных надписей. На одном читается 1)... [ḫal]-di-e e-ú-[ri-e]... 2)... [me-pi]-a(?)-ḫi-pi-e..., а на другом различимы лишь два знака, в верхней строке знак ú, в нижней — i или ze. Два колчана из этой группы были украшены простым орнаментом из полос с зигзагообразной линией, два других — изображениями всадников и колесниц. На остальных двух не оказалось даже возможным различить украшения. Среди мелких обломков этих двух колчанов удалось расчистить один обломок, на котором оказались остатки двух фигур. От первой сохранились только бычьи задние ноги и хвост, вторая фигура представляла собою фантастическое крылатое животное, с передней частью льва и задней быка — под фигурами орнамент из бутонов.

Последний обломок близок к части колчана, обнаруженной в карсе № 46 кладовой № 28. Этот колчан был украшен изображениями быков и львов (Кармир-блур, II, стр. 37).

Ассирийские изображения воинов дают большое число колчанов, анало-

Рис. 27. Ассирийский воин с луком и колчаном (рельеф во дворце Саргона).

Рис. 28. Ассирийский воин из свиты Саргона (рельеф во дворце Саргона).

гичных урартским, они позволяют установить также и способ их ношения. У воинов во время битвы и в походе колчан, вместе с луком,

висит на левом плече, вверх отверстием, из которого торчат оперения стрел¹, но в парадных случаях он носится иным способом. Во дворце Саргона имеются изображения царя, за которым следуют его приближенные, несущие царское вооружение. В этом случае лук надет на левое плечо, а колчан перекинут через правое плечо, причем он висит не за спиной, а сбоку². В колчанах стрелы укладывались наконечниками вниз, сохранились также их древки, изготовленные как из ясеня так и из гростника. Стрел в колчане умещалось около 35—40 штук. Среди рассыпавшихся железных стрел из разрушенного колчана оказался сильно поврежденный бронзовый наконечник с клинописью в двух строках на одной из его сторон:

1) Ḫal-di-e, 2) Ṣar-giš-ti-še BA
«Богу Халди Аргишти подарил».

В колчане царя Сардури II, украшенном изображениями всадников и колесниц, среди 37 стрел с бронзовыми наконечниками три были отмечены короткими клинописными текстами, помещенными в четырех строках на обеих сторонах.

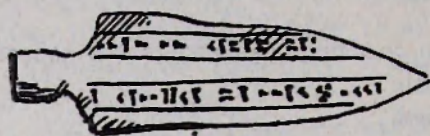

Рис. 29. Бронзовый наконечник стрелы с надписью Аргишти I (пом. № 36).

Ḫal-di-e e-ú-ri-e ṢAR-du-ri-še uš-tú-ni

«Богу Халди, владыке, Сардури подарил».

По типу эти бронзовые наконечники стрел с именем урартского царя Сардури II были близки закавказским, хотя и легко от них отличимы. Это плоские, заточенные с двух сторон стрелы с длинными черешками для насадки.

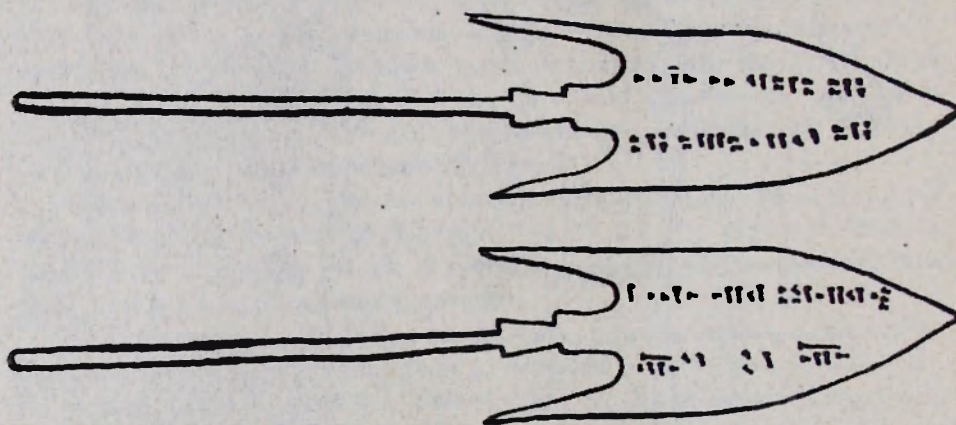

Рис. 30. Бронзовый наконечник стрелы с надписью Сардури II (пом. № 36).

Наряду с этим урартским типом наконечников стрел в раскопках цитадели встречаются и втульчатые трехгранные и двуперые бронзовые

¹ P. E. Botta, E. Flandin, Monument de Ninive. Paris, 1849, I, табл. 62, II, табл. 159; A. Paterson, Palace of Sinacherib, табл. 65—66, 71—73 и 99.

² Botta, Flandin, Monument de Ninive. I, табл. 13, II, табл. 105 и 117.

наконечники стрел скифского типа. Такими стрелами осыпали враги цитадель Тейшебаини при осаде, но они встречаются в кладовых крепости. Нет сомнения в том, что наконечники скифского типа употреблялись и в странах древнего Востока.

С этой стороны большой интерес представляет портативная бронзовая разъемная форма для отливки стрел, хранящаяся в Британском музее и происходящая из Мосула¹.

Форма состоит из шести частей и в ней одновременно можно отлить три наконечника — два трехгранных и один двуперый. Таким образом, форма этих наконечников (трехгранность и двуперость) определяется техникой отливки нескольких стрел в одной форме.

Урарты были хорошими стрелками из лука и у них, повидимому, проводились даже состязания по этому виду стрельбы. В Ване был найден камень с небольшой клинообразной надписью следующего содержания: „Аргишти, сын Руса, выпустил стрелу с этого места, перед лесом Гилурани, до сада Ишпилини, сына Багу, (на расстоянии) 950 локтей“ (УКН № 277).

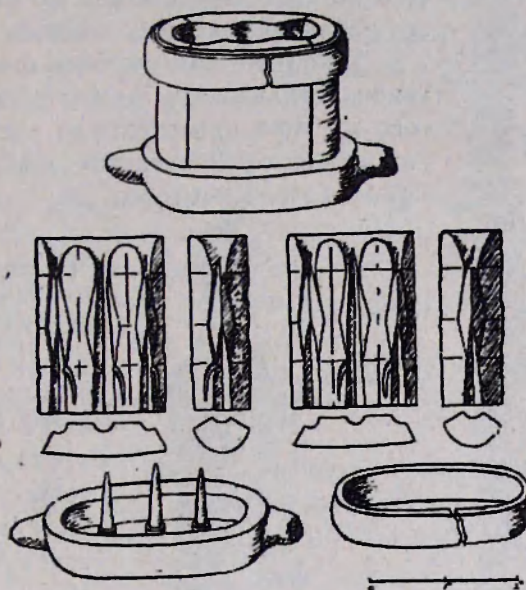

Рис. 31. Бронзовая форма для отливки стрел из Мосула (Брит. музей).

Таким образом, приведенный текст рассказывает о пуске стрелы на значительное расстояние, примерно на 490 м, что определенно подчеркивает высокие качества и силу урартского лука, так как полет стрелы на такое расстояние не может быть обеспечен обычным луком².

Мечи. В 1952 г. в помещении № 34, неподалеку от цита Аргишти I, был найден железный меч, длиной 0,73 метра, с бронзовой рукояткой характерной формы, украшавшейся, повидимому, деревянными накладками. Около меча лежал бронзовый наконечник ножен, украшенный тремя выпуклыми вертикальными полосами.

Подобный же меч, но значительно худшей сохранности, был обнаружен при раскопках 1948 г. в помещении № 13. Он также имел длину

¹ H. N. Coghlan, Casting moulds made in Metall, Man. LII, Nov. 1932, статья № 245, стр. 162—164.

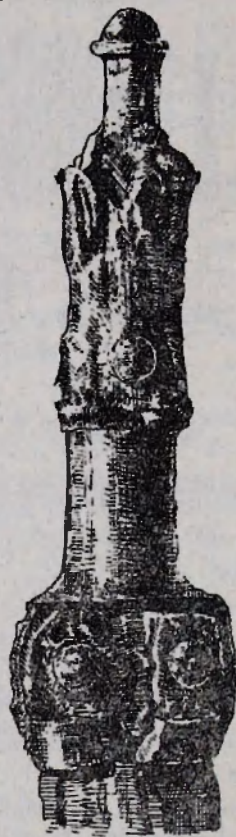
² Saxton T. Pope, A. Study of bows and arrows. Univ. of California publications in American Archaeology and Ethnology, v. 13, № 9, 1923, стр. 329—414.

около 0,73 метра (верхушка рукоятки обломана, а на его лезвии сохранился бронзовый наконечник ножен, подобный описанному выше (Кармир-блур, I, стр. 39, рис. 19). Около меча были собраны металлические части португези — кольцо диаметром 2,5 см и 12 небольших гвоздиков с полушаровидными головками, украшавшие ремень.

Эти два меча для археологии Закавказья представляют исключительный интерес, так как они в единичных экземплярах встречаются на широкой территории. Это обстоятельство не позволяет считать их характерными предметами вооружения закавказских племен.

Такой меч был опубликован Ж. де Морганом из раскопок могильника в Мусиери, по реке Дебед¹. Другой меч того же типа происходит из раскопок Н. Я. Марра, 1893 г., на знаменитом Ворнакском (ныне сел. Акнер) могильнике, между Ахпатом и Санаином.

Мечи описанного типа встречаются также на территории Грузинской ССР (Самтавро) и Азербайджанской ССР (Мингечаур)².

В настоящее время нельзя еще с полной уверенностью установить место изготовления этих железных мечей с бронзовой характерной рукояткой. Наиболее вероятным представляется мне их урартское происхождение. На каменной статуе, обнаруженной на Ванской скале и хранящейся в настоящее время в музее Грузии³, изображен висящий на левом боку длинный меч, имеющий по всей своей длине три выпуклые линии. Эти линии можно понять как украшение кожаных ножен меча, соответствующее тем трем вертикальным линиям, которые имеются на бронзовых наконечниках ножен Кармир-блурских мечей. Во всяком случае, эти железные мечи по своей форме не имеют ничего общего с бронзовыми мечами, известными в Закавказье в значительном количестве.

Рис. 32. Железный меч с бронзовой рукояткой (пом. № 34).

¹ J. de Morgan, *Mission scientifique au Caucase*, Paris, 1889. pl. III, I.

² М. М. Бадриашвили, Археологические памятники из сел. Сатовле. Вестник Гос. музея Грузии, т. XVII—Б, 1953, стр. 238, рис. 3, табл. 1,4; С. М. Казиев, Археологические раскопки в Мингечауре. Материальная культура Азербайджана, I, Баку, 1949, стр. 26, рис. 17.

³ Г. В. Церетели, Урартские памятники музея Грузии, Тбилиси, 1939, стр. 63, табл. XXX и XXXI.

Конский убор с надписями царя Менуа. В 1952 г. в помещении № 36 в куче различных предметов были обнаружены бронзовые части конского убора двух лошадей. Он состоял из пары удил с напускными трензелями (псалями), пары налобных пластин, четырех колокольчиков, трех крупных блях без орнамента (диам. 11,2 см), пяти орнаментированных блях (диам. 9,5 см), восьми блях среднего размера (диам. 4,8 см) и шести мелких бляшек (диам. 2 см). Предметы были найдены кучно, без разделения на два комплекта.

Обращают на себя внимание удила (одни удила совершенно разрушены). Это хорошо известный тип широко распространенных по всему древнему Востоку удил¹. Они состоят из мундштука и напускных изогнутых трензелей с двумя парами полуколец для скрепления с уздечкой. На трензелях, в рамке, имеющей форму трапеции, вычеканена короткая клинообразная надпись:

ša me-pi-a «(царя) Менуа».

Эта надпись имеет важное значение для датировки типа удил (начало VIII в. до н. э.). В 1940 г. в помещении № 12 были найдены бронзовые удила, отличающиеся от описываемых тем, что их трензеля представляют одно целое с мундштучными частями². Они имеют близкие аналогии в находках из Ассирии и Египта.

Клинопись сохранилась и на одной из налобных пластин. В верхней ее части в двух строках, помещенных вертикально, имеется следующая надпись:

me-pi-a-i bituṣur-iš(?)-hi «(царя) Менуа конюшня (?)». Слово ṣur-iš-hi, детерминированное знаком bitu «дом», представляет, повидимому, сокращенную форму от bituṣur-iš-huṣi наподобие bituṣur-iš-hi вместо bituṣur-iš-huṣi (букв. «дом оружия»).

Налобная пластина по краю, за исключением закругленного нижнего, украшена двумя полосками, украшенными бронзовыми гвоздиками, многие из них вышали. На четырех выступах и на верхней части имеются отверстия для ее прикрепления к уздечке. Такие налобные пластины нам хорошо известны по скифскому материалу. В этой связи следует вспомнить большие по размеру пластины раннескифского времени (конец VII—нач. VI в. до н. э.) из Келермесских курганов.

Значительный интерес представляют массивные колокольчики (выс. 11 см), отлитые вместе с дужкой для подвешивания. Стенки колокольчика, имеющие вертикальную прорезь, украшены вертикальными выпуклыми полосками с елочным орнаментом. В одном случае сохранился железный язычок, скрепленный с колокольчиком через отверстие под дужкой бронзовой полоской.

Эти колокольчики широко распространены в Закавказье и встречаются также на Северном Кавказе. Они хорошо известны по раскопкам Г. Ф. Гобеджишвили в Раче, по Казбекскому кладу, встречены они и в

¹ Н. А. Portratz, Die Pferdgebisse des zwischenstromlandischen Raumes, Archiv für Orientforschung, XIV, 1—2, 1941, 18; M. Wolff und D. O pitz, Jagd zu Pferde in der altorientalischen und klassischen Kunst. AFO, X, 1936, рис. 4.

² Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944, рис. 60.

кургане у ст. Елизаветинской (Раскопки Н. И. Веселовского, 1913 г. ОАК —1913—1915, стр. 154). В последнем случае мы имеем находку в кургане предметов значительно более древних, чем весь комплекс, датируемый IV в. до и. э.

Нет сомнения в том, что описанные массивные колокольчики заслуживают специального изучения.

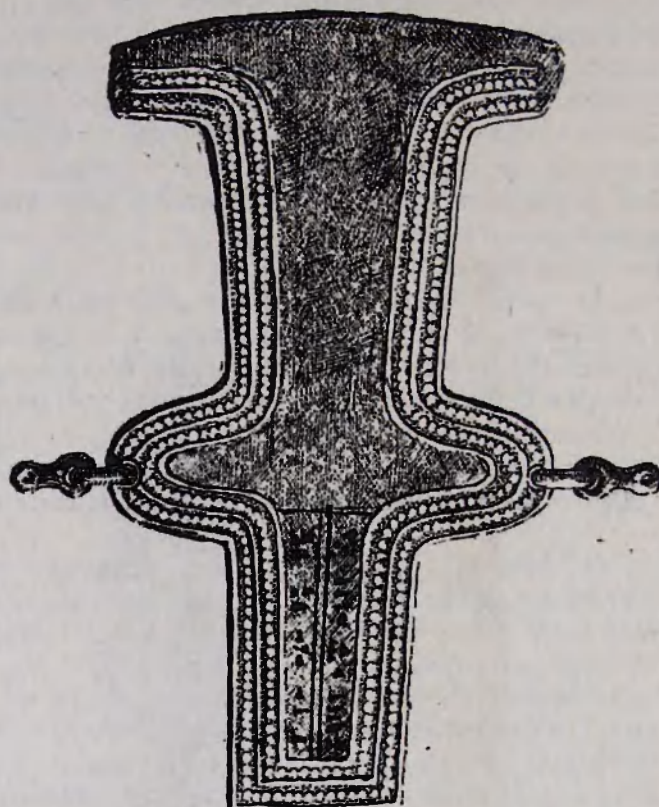

Рис. 33. Бронзовый налобник с надписью Менуа.

Как было указано выше, среди предметов конского убора находились бляшки четырех видов. Наиболее крупные представляли собою немного выпуклый диск, с рельефным пояском по краю и выступом в центре. Другие бляшки той же формы, но меньшего размера украшены тремя концентрическими полосами, заполненными точками, выдавленными с обратной стороны. В бляшках обоего вида петля для прикрепления связана с центральным выступом.

Бляшки среднего размера и мелкие имеют выпуклую среднюю часть. На одной из них, на оборотной стороне различимы следы короткой клинообразной надписи.

ša 𐎎 Me-pi-a «(царя) Менуа».

Удила конского убора, принадлежавшего царю Менуа, как указывалось, принадлежат к широко распространенному виду древневосточных

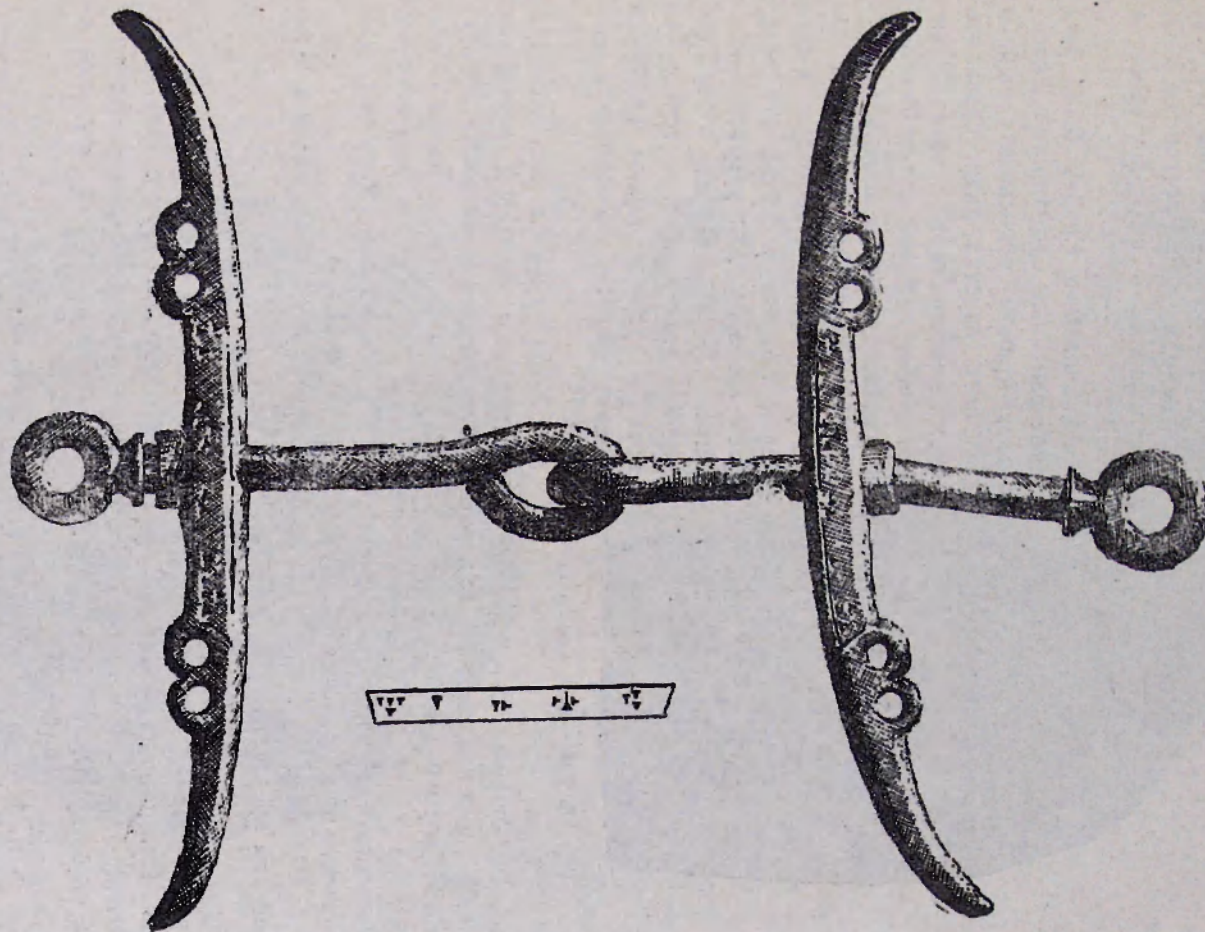

Рис. 34. Бронзовые удила с надписью царя Менуа (пом. № 36),

удил. Раскопки в восточном Закавказье (Арчадзор, Мингечаур и др.) дают нам большое количество подобных образцов.

К более раннему типу древневосточных удил, изображенных на рельефах дворца Ашурнасилпала II, относятся удила с плоскими напускными псалиями¹, с тремя отверстиями для ремней, два из них по краям предмета и третье около отверстия для мундштука. Такие удила известны из Севанского района по старым находкам и по раскопкам А. О. Мнацаканяна в сел. Астхадзор в 1951 г.

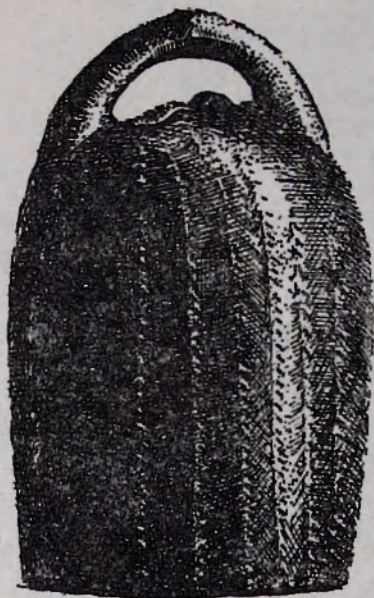

Рис. 35. Бронзовый колокольчик.

Лошадь в Урарту была распространенным домашним животным, причем отдельные районы Ванского царства даже славились своим коневодством. В тексте, описывающем восьмой поход Саргона, указывается, что в провинции Суби, на восточном побережье оз. Урмии, специально разводились верховые лошади и оттуда доставлялись жеребцы для урартской конницы. «Люди, живущие в этой области, — рассказывает текст, — во всем Урарту не имеют равных в умении обучать лошадей для конницы»².

В местности Сигкех, к северо-востоку от Вана, где в середине века находился ипподром армянских князей, был найден камень с коротким клинообразным текстом: «...Менуа, сын Ишпуини, говорит: с вот этого места конь по имени Ардиби (Арциви), под Менуа, прыгнул 22 локтя»³. Таким образом, этот текст отмечает спортивное достижение урартского царя в конной езде. Конь под ним прыгнул на 22 локтя, т. е. на расстояние около 11,4 м.

Раскопки на Кармир-блуре дополняют приведенную надпись и дают нам представление об уборе коня Менуа.

Раскопки на Кармир-блуре дополняют приведенную надпись и дают нам представление об уборе коня Менуа.

Бусы и мелкие украшения

При раскопках Кармир-блуре часто встречаются бусы и мелкие подвески — украшения из камня, прозрачного и цветного стекла, «фаянса»⁴ и раковин. Иногда их находят большими скоплениями на полу помеще-

¹ Н. А. Portratz, Ук. соч., рис. 2—4. Удила из Ашура.

² И. М. Дьяконов, Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. Вестник древней истории, 1951, № 2, стр. 326, 49 (167).

³ И. М. Дьяконов, Заметки по урартской эпиграфике. Эпиграфика Востока, IV, 1951, стр. 115—116.

⁴ Термином «фаянс» я условно называю пасту, пористую керамическую массу, покрывавшуюся глазурью.

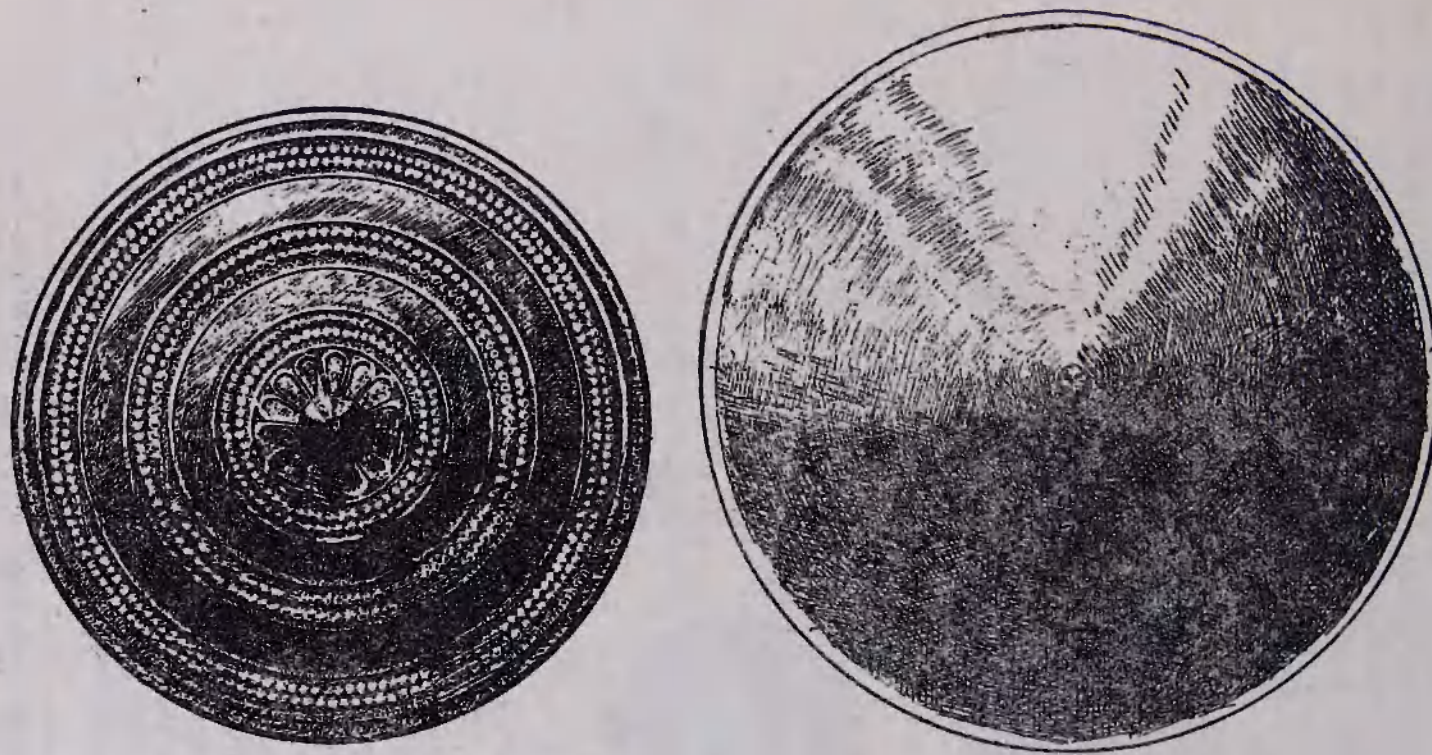

Рис. 36. Круглые бляхи конского убора.

ний, а иногда в сырцовых кирпичях обрушившейся стены. В последнем случае следует предположить, что бусы и подвески в древности были спрятаны в углубление, устроенное в глиняной стене и залеплены глиной. Такие скопления бус встречаются значительно выше уровня пола комнат и вне всякой связи с другими предметами (бусы и печати в пом. № 5, 1946 г., скопление бус в пом. II, северо-западного выступа, 1952 г.). Бусы и печати были спрятаны в порожних карасах кладовых №№ 25 и 28, а в 1952 году значительное их число обнаружено в помещении № 36 при разборке кучи предметов, засыпанных зерном и заваленных ветками.

Большинство публикуемых ниже бус и украшений происходит именно из этого места.

На первый взгляд в большом количестве найденные на Кармир-блуре каменные бусы могут быть классифицированы лишь на основании их форм. В действительности это не так, кроме формы при классификации каменных бус исключительное значение имеет сам камень, из которого изготовлены бусы, а также техника их обработки, в частности, техника сверления канала для продевания нитки, позволяющая реконструировать инструмент, которым эта работа производилась¹.

Наиболее частым материалом для каменных бус, найденных на Кармир-блуре, является сердолик разнообразных сортов. Г. Г. Леммлейн, изучавший сердоликовые бусы из Кармир-блуре, различает семь сортов: 1) «сардер» — бурый и светлобурый, равномерно окрашенный сердолик, 2) розовый сердолик с микроскопическим точечным включением окислов железа, 3) золотистый сердолик, ровного оранжевого цвета, 4) красный сердолик (близкий к материалу бус Майкопского кургана), 5) сердолик с бурыми прожилками, 6) трещиноватый сердолик и 7) непрозрачный сердолик сурпучного цвета.

Рис. 37. Бляшка с надписью Менуг.

Каждый сорт сердолика отличается техникой изготовления. Так из первого сорта сердолика («сардера») изготовлены многочисленные бусы шаровидной и приплюснuto-шаровидной формы (1, 2). Сверлены они штифтом с двух сторон, с применением грубого абразива. Форма канала слабо-коническая. Такие бусы встречаются на широкой территории Закавказья в VIII—IV вв. до н. э. Кармир-блурские бусы являются ранними образцами этих красивых и тщательно изготовленных бус.

Из розового сердолика изготавливались бусы тех же форм, что и из сардера (1, 2), по сверлены они трубкой часто с одной стороны, с применением мелкого абразива. Форма канала заметно коническая. Встре-

¹ Г. Г. Леммлейн, Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. Краткие сообщения ИИМК АН СССР, XVIII, 1947, стр. 22.

чаются они во всем Закавказье и частично на Северном Кавказе в X—VI вв. до н. э.

Третий сорт сердолика «золотистый» представлен на Кармир-блуре единичными экземплярами боченовидных бус. Сверление их производилось с двух сторон сверлом, заправленным алмазом. Канал строго цилиндрический. Г. Г. Леммлейн предполагает для этих единичных бус иранское или сев.-зап. индийское происхождение, указывая, что целые низки подобных бус встречены в Мингечауре, в погребениях с вытянутыми костяками, имевшими предметы «скифского типа» (VI—V вв. до н. э.).

Из сердолика четвертого сорта изготавливались бусы биконической и коротко-цилиндрической формы (I, 4). Сверлены они штифтом, часто с одного конца. Распространены по всему Закавказью, встречаются и во II тысяч до н. э. (Майкоп). Особенно многочисленны в Самтавр и Мингечауре.

Сердолик с бурыми прожилками применялся для характерных овально-плюских граеных пронизей, часто имеющих на грани продольную зарубку (I, 3, вторая справа). Сверлены трубкой, канал сильно конический. Эти бусы встречаются в могильниках Закавказья, в частности в Ворнакском (Акнерском) могильнике.

Из «трещиноватого» сердолика изготавливались плоские бусы, двухсторонне сверленные штифтом, а из седьмого сорта сердолика — «сургучно-красного» рубленные бусы, сверленные трубкой с одной стороны, причем у выхода канала на нижней стороне часто имеется выколка от нажима трубки.

Нет сомнения в том, что каменные бусы очень прочные и легко переносимые, попадали в Тейшебаини из разных мест и по времени своего изготовления могут быть намного древнее VIII—нач. VI вв. до н. э., периода существования этого урартского административного центра Закавказья.

На приводимых мною рисунках сердоликовых бус (I, 1—4) видно большое разнообразие форм. Встречаются бусы: шаровидные, приплюснuto-шаровидные, цилиндрические, боченовидные, удлиненные, граенные, дисковидные, биконические, в форме фигурных подвесок и др.¹

Бусы из оникса (или сардоникса) в находках на Кармир-блуре по количеству и разнообразию форм значительно уступают сердоликовым (I, 5). Это преимущественно крупные шаровидные и боченовидные бусы, сверленные штифтом.

Среди каменных бус, обнаруженных в помещении № 36 имеются несколько пронизок из разного камня с одной выпуклой, а другой плоской стороной, которые можно признать за заготовки для печатей (II, 6). На некоторых подобных образцах как будто видны следы изображений. Очень возможно, что такие заготовки распространялись на широкой тер-

¹ Относительно форм каменных бус см. Г. Г. Леммлейн, Опыт классификации каменных бус. Краткие сообщения ИИМК АН СССР, XXXII, 1950, стр. 157.

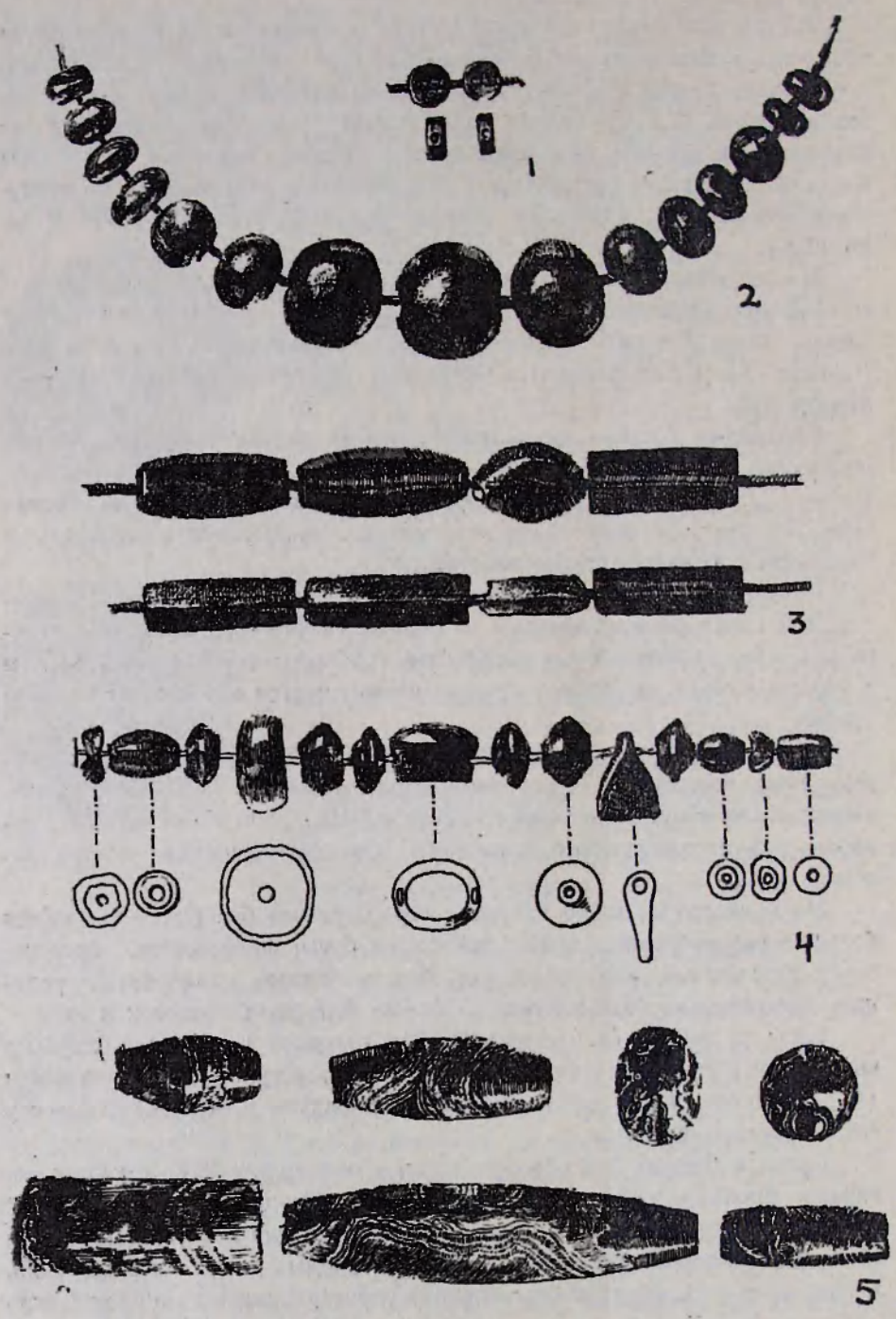

Рис 38. Каменные бусы (табл. I)

ритории как полуфабрикат. В таком случае форма и техника изготовления самой печати не всегда будет совпадать со стилем и техникой выполнения изображений. Это обстоятельство следует учитывать при исследовании древневосточных резных камней.

В материале из Кармир-блур встречаются пронизки и бусы из горного хрусталя. В 1940 году был найден обломок пронизки-кулона (II, 7), а в 1952 г. две бусы, одна приплюснuto-шаровидная, а другая округлая, рубчатая (II, 8).

Отмечу здесь также единственную пронизку из янтаря, происходящую из раскопок 1940 г. (II, 9).

Многочисленную группу бус в материалах из раскопок Кармир-блур составляют стеклянные бусы, как прозрачные, так и цветные.

Обращают на себя внимание высококачественные литые шаровидные и приплюснuto-шаровидные бусы из белого прозрачного стекла, слегка покрытые матовой патиной (II, 10). Следы литья особенно отчетливо видны у краев канала для нитки.

Очень красивы бусы из цветного непрозрачного стекла. На Кармир-блуре часты бусы из черного стекла с впущенной яркожелтой зигзагообразной лентой (II, 11). По размерам они бывают различны, мелкий экземпляр помещен в центре низки на рис. III, 12.

Среди мелких стеклянных и фаянсовых бус имеются черные, яркожелтые, синие, плоские белые пронизки с желтыми глазками и черными концентрическими полосками, ярко окрашенные мелкие бусины с рожками (III, 12).

Среди фаянсовых бус выделяются пять изделий (IV, 21) из пористой непрочной керамической массы, покрытой тонкой цветной глазурью. Тут имеются зеленые бусы с желтыми глазками, синие с белыми полосами и целиком голубые. По своему качеству они резко выделяются из всей массы фаянсовых изделий.

В большом количестве встречен мелкий бисер, нанизывавшийся на шерстяную веревочку, иногда он составлял ожерелье из нескольких ниток, с разделителями и концевыми соединителями (III, 15). Разделители украшены вставленными друг в друга мелкими бусинами.

Обычными изделиями из «фаянса» являются бусы с рубчиками и боченковидные резные, покрытые зеленовато-голубой глазурью (IV, 16). Нередко были встречены большие связки таких бус.

Немалый интерес представляют подвески в виде капли (IV, 18), покрытые сетчатой и крестообразной резьбой. Подобные подвески происходят из раскопок М. С. Асратяна в Зангезуре (с. Ахлатян) и А. О. Мнацаканяна у сел. Атарбекян. Вместе с ними находимы полые конусовидные подвески с двумя отверстиями у нижнего края конуса.

Из фигурных подвесок в помещении № 34 была найдена фаянсовая фигурка лежащего бычка, с закинутым на правое бедро хвостом (IV, 17). Нижняя часть подвески отломана. Эта фигурка очень близка к каменной печати в виде фигурки быка из сел. Акко (Кармир-блур, II, стр. 47, рис. 23).

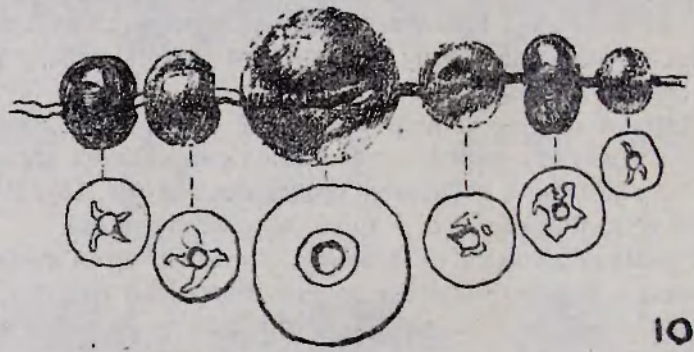
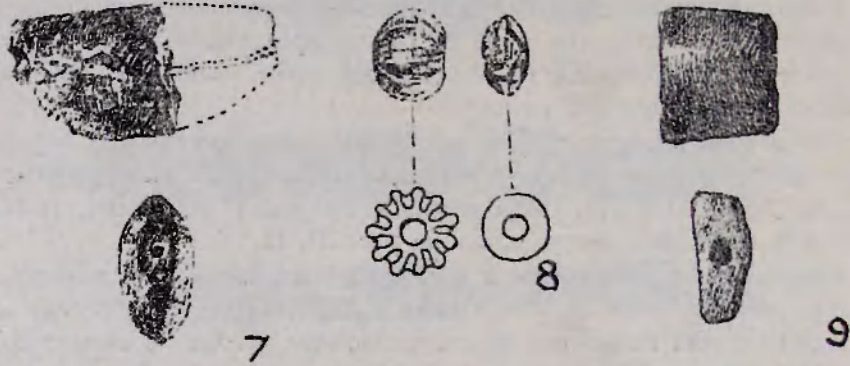
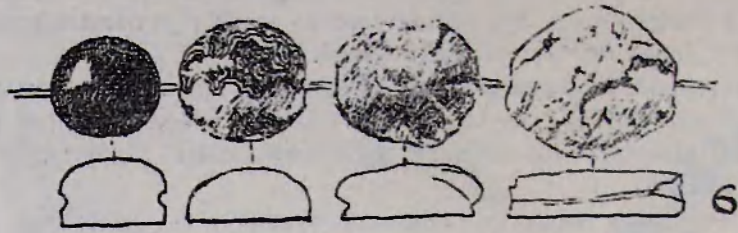
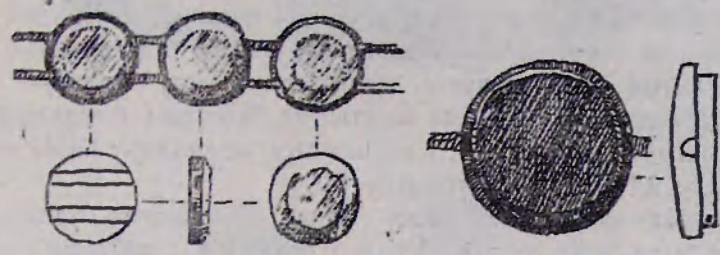

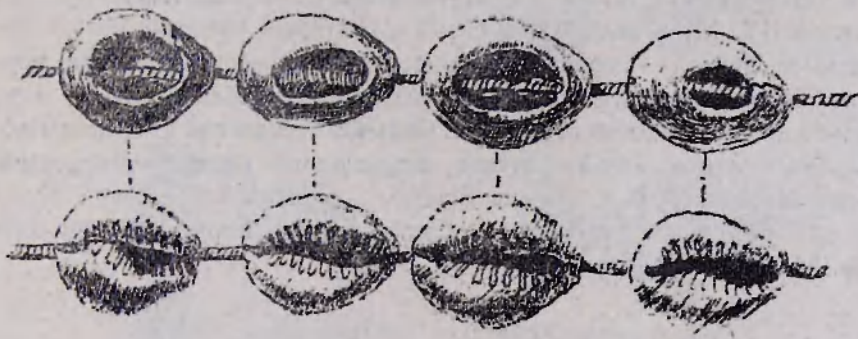
Рис. 39. Каменные и стеклянные бусы (табл. II).

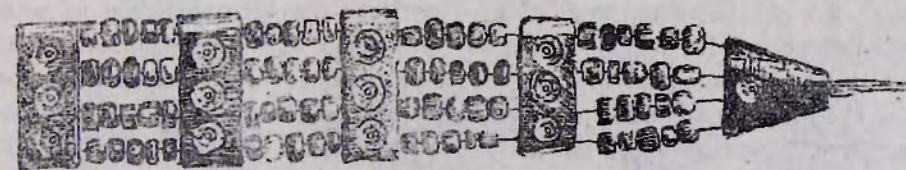
12

13.

14

15

Рис. 40. Различные бусы (табл. III).

Среди бус из помещения № 36 оказались бусы-пронизки зелено-серого цвета (IV, 20), в виде полушарий, покрытых рубчиками. Эти пронизки рассматриваются мною как скифские (Кармир-блур, I, стр. 93), так как в большом количестве они встречаются в ранних скифских курганах¹.

В скифских могильниках часто встречаются также и ожерелья из раковин каури (III, 14). В пом. Б сев-зап. выступа в 1952 г. были найдены 62 раковины каури, причем между ними сохранились остатки шерстяной нити, на которую они были нанизаны.

На Кармир-блуре были найдены весьма интересные образцы пронизок, к которым аналогии мне неизвестны. Основа бус каменная, дисковидная, с двумя углубленными желобками, на эту каменную основу приклеивался диск, вырезанный из створки раковины (перламутр). Наряду с пронизками диам. в 0,12 см имеются экземпляры более крупные, достигающие 2,4 см в диаметре (III, 13).

Из раковин вырезались также мелкие дисковидные бусины. 27 таких бусин было найдено в 1952 г. в помещении с восточной стороны коридора с мелкими кладовыми.

Приведенное описание бус и подвесок-украшений, преимущественно из раскопок 1952 г., естественно, не могло охватить все разнообразие этих изделий и я попытался охарактеризовать лишь основные их группы.

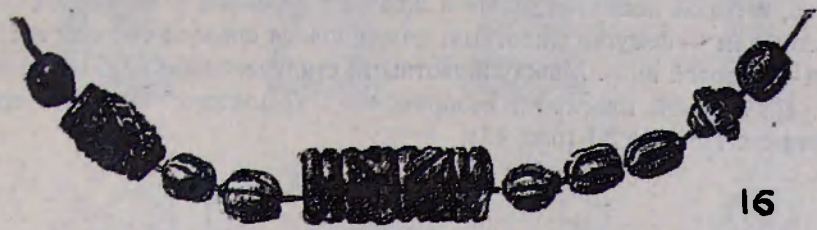
В помещении № 36 были обнаружены изделия египетского типа, две пронизки (IV, 19) и скарабеоид (V, 34). На одной пронизке изображена рыба, а на другой — нераспознаваемые, сильно деформированные иероглифы. На нижней части скарабеоида изображена собака, стоящая перед каким-то предметом, позади нее куст. Сильная стилизация этих предметов, с отходом от египетских прототипов, подтверждает наше предположение, что они изготовлены не в самом Египте, а в одном из центров Малой Азии или восточного побережья Средиземного моря (Кармир-блур, I, стр. 84).

Урартские печати

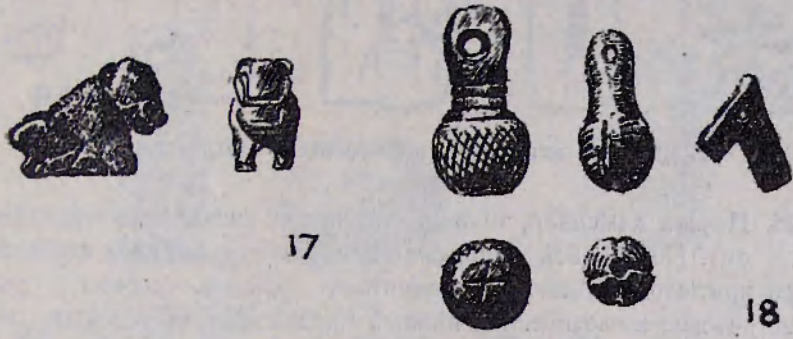
Раскопки на Кармир-блуре 1952 г. дали ряд новых урартских печатей (описание ранее обнаруженных печатей см. Кармир-блур, I, стр. 70—71 и II, стр. 45—48).

24. Печать каменная, четырехгранная, с ушком для подвешивания (выс. 3,3 см). Изображения на всех четырех боковых гранях и на нижней плоскости. На первой широкой грани изображено крылатое солнце и под ним коленопреклоненная человеческая фигура с четырьмя крыльями. На второй широкой грани — изображение бога-громовика, стоящего на быке. В руках перун, позади непонятный знак. На двух узких гранях помещены фигуры стоящих крылатых божеств, с одной поднятой вверх рукой и другой протянутой вперед. Внизу: крылатое солнце и под ним сильно стертое изображение животного. Пом. № 36 (рис. 42).

¹ А. А. Бобринский, Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, II, 1894, табл. V.

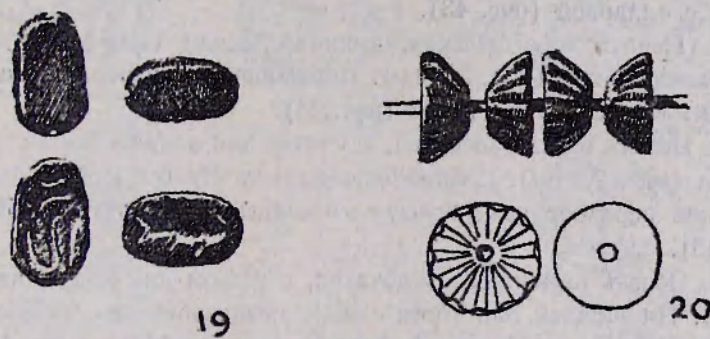

16

17

18

19

20

21

Рис. 41. Бусы и пронизки (табл. IV).

25. Печать каменная, цилиндрическая, с ушком для подвешивания (выс. 3 см). На боковой поверхности изображена фигура крылатого божества, с одной поднятой рукой и другой опущенной и держащей ветку. По сторонам — фигуры животных: находящаяся спереди головой вверх, а сзади — головой вниз. Между животными стилизованное изображение дерева. На нижней плоскости изображение крылатого фантастического животного. Пом. № 36 (рис. 43).

Рис. 42. Изображения на четырехгранной печати (пом. № 36).

26. Печать каменная, цилиндрическая, с ушком для подвешивания (выс. 3 см). На боковой грани сильно схематизированные изображения: фигура крылатого существа с поднятыми руками, дерево и крылатое фантастическое животное. На нижней плоскости поврежденное изображение фантастического животного. Помещение, прилегающее к коридору с кладовой (рис. 43).

27. Печать керамическая, цилиндрическая (столбчатая), с ушком для подвешивания (выс. 2,2 см). Неразборчивое изображение только на нижней плоскости. Пом. № 36 (рис. 43).

28. Печать цилиндрическая, с ушком для подвешивания, вырезанная из рога (выс. 2,8 см). Сохранность плохая. На боковой плоскости изображения неразборчивы. Внизу вырезаны два дерева. Пом. № 36 (рис. 43).

29. Печать каменная, столбчатая, с ушком для подвешивания (выс. 2,3 см). На нижней плоскости сильно стилизованное изображение животного. Верхний слой пом. А, раскопанного в 1943 г. (рис. 43).

30. Печать каменная, гиревидная, с ушком для подвешивания (выс. 2,7 см). На нижней поверхности фантастическое крылатое животное. над ним полумесяц, внизу многолучевая звезда. Пом. № 36 (рис. 43).

31. Печать каменная, гиревидная, с ушком для подвешивания (выс. 2,5 см). На нижней поверхности фантастическое крылатое животное, над ним полумесяц, внизу звезда. Пом. № 36 (рис. 43).

32. Печать каменная, гиревидная, с ушком для подвешивания (выс. 2,4 см). На нижней поверхности фигура крылатого льва, над ним сильно стилизованные знаки звезды и полумесяца. Пом. № 36 (рис. 43).

33. Пронизка халцедоновая (поврежденная огнем), верхняя поверхность выпуклая (дл. 2 см). На нижней плоскости фигура фантастического животного, выполненная бутеролью. Крылатый бык, с хвостом скор-

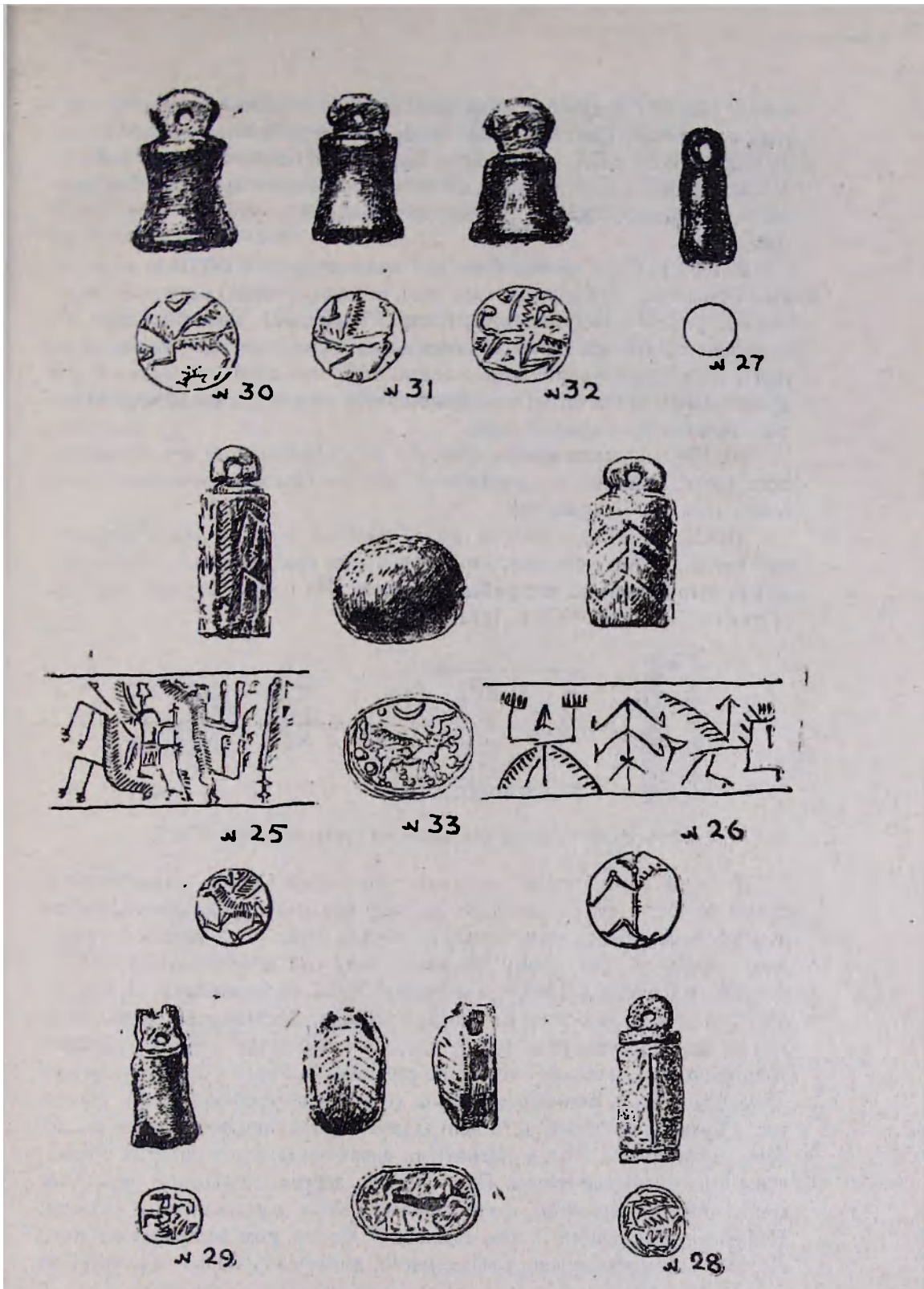

Рис. 43. Каменные и фаянсовые печати (табл. V).

пиона, над ним полумесяц, свободные места заполнены кружками. Фигура напоминает фантастические изображения животных на предметах из Саккызского клада в Иранском Курдистане¹ и на скифских золотых ножнах акинака из Келермесского и Мельгуновского курганов. Эта пронизка, возможно, происходит из Приурмийского района. Пом. № 36 (рис. 43).

В 1952 г. были обнаружены две цилиндрические печати с продольным отверстием для веревки того типа, который условно определен мною как ассирийский (Кармир-блур, I, стр. 77, рис. 50). Среди них есть несомненно печати ассирийского и вавилонского происхождения, но некоторые могут быть урартскими изделиями. К этой группе принадлежат и публикуемые две печати (нумерация дается общей для всех цилиндрических печатей из Кармир-блур).

10. Керамическая печать (выс. 2,4 см). Изображены три символических знака. Один из них изображает ветку в обычной урартской трактовке. Пом. № 36 (рис. 44).

11. Обломок керамической печати (выс. ок. 1 см). Сохранилась верхняя часть фигуры человека, стреляющего из лука в цель. Это изображение встречается на ассирийских печатях. Из пом. Б сев.-зап. выступа крепости. Раскопки 1952 г. (рис. 44).

Рис. 44. Цилиндрические печати из помещений №№ 36 и Б,

В одной из небольших кладовых для зерна (№ 5), помещенных в западной части центра цитадели, на полу кладовой, среди перегоревшего ячменя, была обнаружена глиняная булла (рис. 7), запечатывавшая дверь кладовой. По своему внешнему виду она полностью совпадает с буллой, найденной в 1949 г. в кладовой № 25 (Кармир-блур, II, стр. 53, рис. 24). Эта булла опечатывала две веревки, связывавшие замок, печатями двух лиц, одно из которых имело столбчатую печать обычного урартского типа (четыре оттиска по сторонам буллы), а другое — цилиндрическую печать ассирийского типа (откатка по гребню буллы). На оттиске цилиндрической печати центральное место занимает священное дерево характерного типа, с поднятыми вверх ветвями, на которых обозначены стилизованные плоды. По сторонам дерева помещены крылатые фантастические существа с туловищами быков и человеческим торсом. Позади них находится второе священное дерево, уже ассирийского типа. Дерево, занимающее центральное место, имеет ближайшие аналогии на

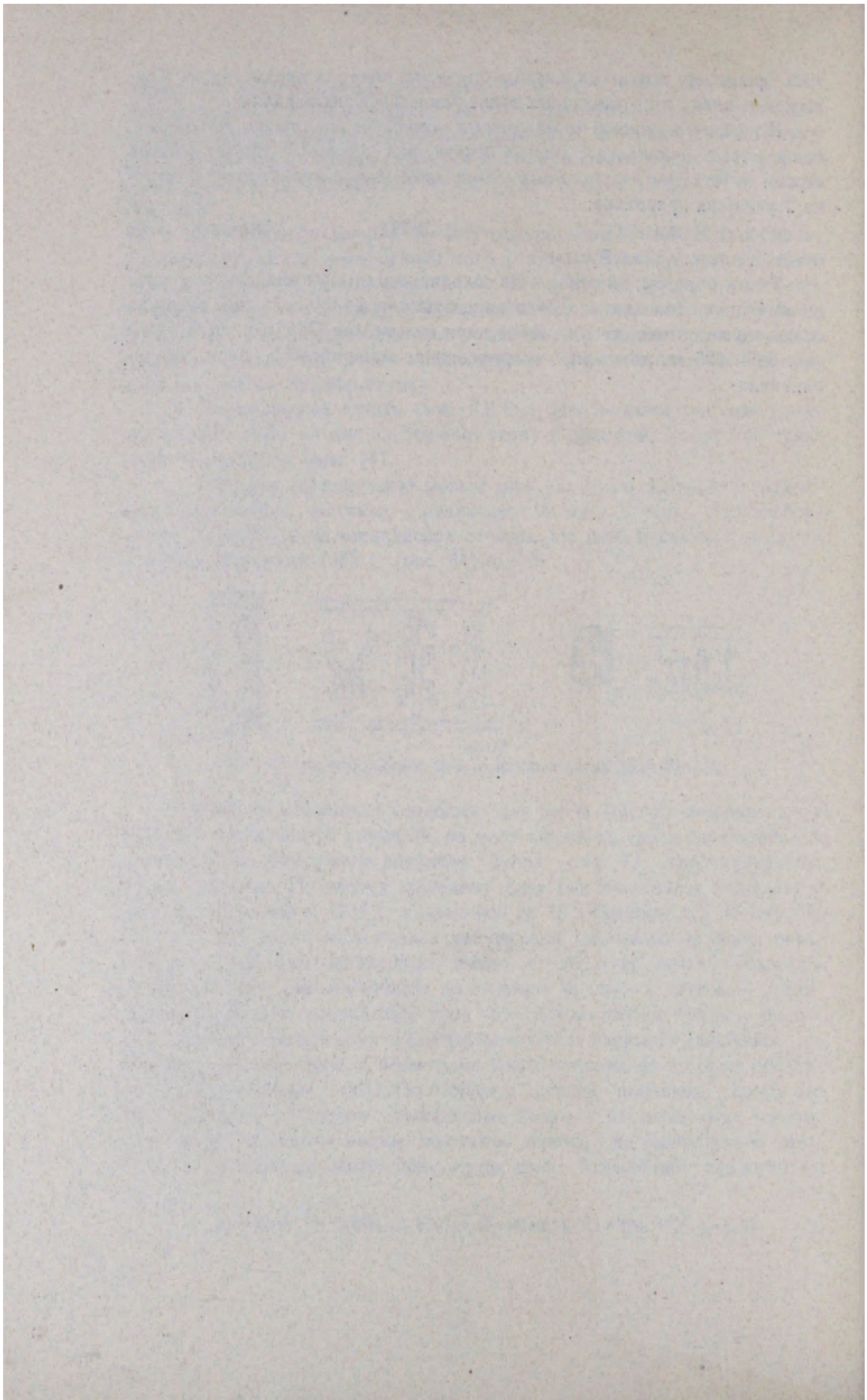
¹ A. Godard, Le Trésor de Ziwiye (Kurdistan), Haarlem, 1950, рис. 25.

трех бронзовых поясах из Кармир-блур, на золотых предметах из Саккызского клада и на указанных выше раннескифских изделиях.

В верхней и нижней частях печати помещены две строчки клинописи, причем текст начинался с центра печати, над деревом. Знаки верхней строки на откатке получились в зеркальном изображении, нижняя строка передается правильно:

1. 1-пi KUNUKKU ṁ 2. BITU ṁRu-sa-hi «эта печать... дома... сына Русы».

Таким образом, на откатке не сохранилось ни имя владельца печати, ни имя царя. Так как кладовая запечатывалась буллой незадолго до осады, то вероятнее всего в имени царя видеть имя Сардури, сына Русы (ок. 645—625 гг. до н. э.), современника ассирийского царя Ашурбанипала.

С. А. ТУМАНЯН

ДРЕВЕСНЫЕ ОСТАТКИ ИЗ РАСКОПОК КАРМИР-БЛУРА

В 1953 году нами, по предложению проф. А. А. Яценко-Хмелевского, были исследованы имевшиеся в Лаборатории анатомии растений Ботанического института АН Армянской ССР образцы деревянных изделий и строительных деталей, собранные во время раскопочных работ на Кармир-блуре в 1944 и 1948 гг.

В нашем распоряжении было всего 66 образцов древесины, из которых больше всего (40 образцов) относилось к полностью или частично обуглившимся балкам перекрытия. 13 образцов представляло собою остатки жердей и веток от настила, уложенного поверх балок, 5 образцов были взяты от различных деревянных изделий и 8 образцов — от кусков дерева неопределенного назначения.

Следует указать, что древесные угли от сгоревших балок перекрытия встречаются на раскопках крепости в очень значительных количествах. А. А. Яценко-Хмелевский и М. С. Гзырян, собиравшие на месте исследованные нами образцы, стремились по возможности не брать кусков углей от одной и той же балки и выбирали их как из разных помещений (раскопки 1948 г.), так и из разных мест одного помещения, с тем, чтобы получить данные, которые могли бы в какой-то мере характеризовать в целом лесоматериал, употреблявшийся для балочных перекрытий крепости. Те же предосторожности применялись и при сборе материала из настила поверх балок, но угли от этого последнего встречались гораздо реже. Из 40 проанализированных нами образцов балок 8 было определено как тополь и 32 — как сосна.

Сохранность материала и качество шлифов оказались вполне удовлетворительными и достоверность определения не вызывает сомнения. Виды тополей почти не поддаются определению по признакам строения древесины¹, но общий вид некоторых тополевых балок, сохранившихся в обугленном состоянии почти целыми, говорит за то, что тополя, использованные для получения балочного материала, относились к группе пирамидальных тополей. Так как в настоящее время из пирамидальных тополей в Армении имеется только один местный вид — *Populus gracilis*

¹ М. С. Гзырян, Семейство Salicaceae и его положение в системе покрытосеменных по данным анатомии древесины. Автореферат. Изд. АН Армянской ССР, 1952.

А. Grossh., а остальные пирамидальные формы в основном представлены интродуцированными в недавнем прошлом видами, то мы считаем возможным определить наши образцы как *Populus (gracilis A. Grossh?)*.

Древесина сосновых углей показывает признаки, характерные для сосен секции *Eurpitys* подрода *Diploxylop* — зубчатость стенок лучевых трахеид и наличие крупных оконцевых пор на поле перекреста (Будкевич, 1950). Во флоре Кавказа эта секция включает всего только один вид — *P. kochiana Klotsch*, к которому мы и относим исследованные нами образцы.

Следовательно, можно заключить, что деревянное перекрытие урартской крепости на 80% делалось из сосны и на 20% — из тополя. Это заключение не лишено некоторого интереса. Во всех безлесных районах Закавказья (в том числе и в Араратской долине) тополь является наиболее обычным строительным материалом, употребление которого имеет многовековую традицию. Перекрытие из тополевых балок было в свое время раскопано Я. И. Гуммелем в могильнике бронзового века, относящегося к XI—X векам до н. э.¹ Некоторые лингвистические данные указывают, что в ряде диалектов армянского языка слово «барди» (тополь) означало «строительный материал», что безусловно связано с преимущественным употреблением этой породы для постройки зданий². Вместе с тем, надо отметить, что в окрестностях Еревана сосна сейчас не встречается и есть все основания думать, что она не встречалась здесь и две тысячи лет тому назад. Разумеется, сосна не является редкостью в Армении и сосновые леса (из *Pinus kochiana*) могут быть встречены как севернее Еревана (около Дилижана), так и южнее, в Кагызмане (на территории нынешней Турции). Транспортные возможности урартов, надо полагать, были довольно ограничены и доставка значительного количества соснового лесоматериала за 100 км (так как нет достаточно веских данных полагать, что ареал сосны две тысячи лет тому назад был значительно шире современного), при наличии около самой крепости тополей (что прежде всего доказывается тем фактом, что 20% балок было изготовлено из тополя), говорит скорее за то, что строители урартской крепости принесли с собой навык в использовании сосны и достаточно неохотно употребляли местный строительный материал — тополь.

Отсутствие вблизи от крепости сосны косвенно доказывается и составом пород, из которых делался настил поверх балочного перекрытия. Сосна здесь совершенно отсутствует и весь жердняк состоит из тополевых, дубовых и ясеневых веток и молодых стволиков. Больше всего здесь дуба (6 образцов, т. е. около 45%), затем ясеня (4 образца, т. е. около 30%) и меньше всего тополя (3 образца, т. е. около 25%). Соотношения эти, впрочем, могут быть в известной степени и случайны, так как количество углей от настила в раскопках было ограничено и полу-

¹ А. А. Яценко-Хмельевский, Нахождение тополя в погребении бронзового века в Азербайджане. Сообщения Груз. ФАН СССР, 1940, № 1.

² Г. А. Капанцян, О взаимоотношении армянского и лазо-мергельского языков. Ереван, 1952.

ченняя партия образцов может быть и не отражает с точностью состава пород, употреблявшихся для этой конструкции.

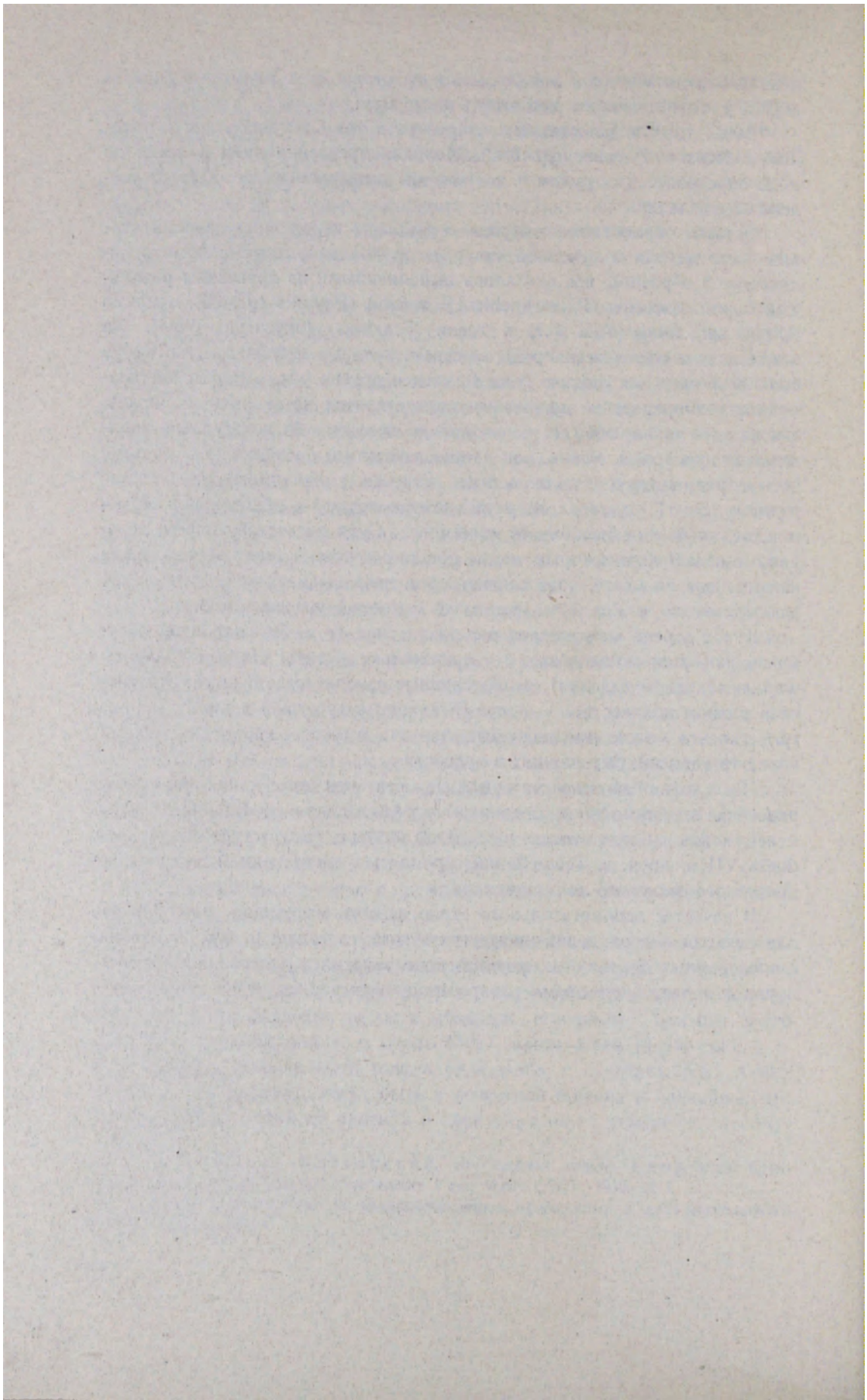
Ветки тополя, повидимому, относятся к тому же виду, как и топольные балки — *Populus (gracilis?)*. Молодая древесина дуба и ясеня до вида определяется с трудом и поэтому мы воздерживаемся здесь от точного определения.

Остатки обработанного дерева — каких-то деревянных изделий (повидимому мебели и кухонной утвари), проанализированные нами в количестве 5 образцов, все оказались выполненными из древесины различных пород — сосны (*Pinus kochiana*), тополя (*Populus (gracilis?)*), ильма (*Ulmus sp.*), липы (*Tilia sp.?*) и ясеня (*Fraxinus (охусагра Willd)*). За исключением сосны все породы местные, которые и сейчас легко могут быть встречены по ущелью реки Раздан и других рек Араратской низменности. Определение древесины липы ставится нами под сомнение, так как состояние образца не позволило получить из него удовлетворительные препараты. Ясень, как нужно заключить по наличию в образце четырехрядных лучей, должен быть отнесен, повидимому, к довольно редкому виду *F. охусагра*, встречающемуся как раз в центральной Армении, чем к более обычному *F. excelsior L.* Судя по составу пород, деревянные изделия, от которых до нас дошли собранные куски дерева, были изготовлены на месте, хотя состав пород настолько обычен, что такое заключение не может быть высказано с полной уверенностью.

Куски дерева неопределенного назначения (т. е. без следов обработки, по которым можно было с уверенностью сказать, что они являются частью какого-то изделия), исследованные в количестве 8 штук, относятся в равном количестве к ясеню (*Fraxinus (охусагра?)*) и ильму (*Ulmus sp.*), так что можно предположить, что они также являются остатками каких-то изделий, бытовавших в крепости.

Исследованный нами материал недостаточен для каких-либо исторических или, тем более, ботанико-географических обобщений. Тем не менее, можно считать вполне вероятным вывод о том, что урартская крепость VII в. до н. э. Тейшебаини строилась с применением в основном прилозного соснового лесоматериала.

В качестве вспомогательного строительного материала (жердняка) для настила поверх деревянного перекрытия, а также и для немногих исследованных деревянных изделий использовалась древесина местных пород и в настоящее время распространенных вблизи от Кармир-блур.

В. А. ПАЛАНДЖЯН

УРАРТСКИЕ ДРЕВКИ СТРЕЛ

Дерево, шедшее на изготовление самого лука и стрел для него у разных народов, повидимому, было различным. К сожалению, недостаточное внимание, уделяемое археологами определению древесных остатков из раскопок, делает данные такого рода чрезвычайно скудными. По этому вопросу мы располагаем только отрывочными сведениями. Так, известно, что население Триалети эпохи бронзы и раннего железа использовало для древков стрел березу. Исследованные А. А. Яценко-Хмелевским и Г. В. Кандеками деревянные изделия из раскопок проф. Б. А. Куфтина в Триалети показали, что из семи древков стрел, все семь были сделаны из древесины березы. Следует отметить, что в Триалети, как в настоящее время, так и в эпоху ранней бронзы (что устанавливается анализом углей из костра), береза очень редка. Следовательно, население Триалети специально доставало березу для этой цели. В Азербайджане существует поговорка, сравнивающая стройного человека со стрелой из древесины явора, что, вероятно, указывает на выбор этой породы для изготовления древков стрел. В России, насколько можно судить по имеющимся данным, стрелы, так же как и в Триалети, изготовлялись из березы. Русский полуфабрикат для стрел, называвшийся «стрельной стружкой» или «деревцами стрельными» высоко ценился в странах Востока и широко экспортировался из Москвы в Иран, Крым и Ногайскую Орду. Известно, что некоему купцу Искандеру шахом Аббасом было приказано приобрести в Москве 60 тысяч «древец стрельных».

Установление пород, из которых в далеком прошлом те или иные племена или народы изготовляли свои предметы вооружения и, в частности, стрелы, представляет значительный интерес, так как такой выбор породы может указывать на историческую преемственность или культурные или торговые связи.

Поэтому я с большим удовольствием приняла предложение проф. А. А. Яценко-Хмелевского обработать материал по древесинам стрел, переданным в нашу лабораторию из раскопок на Кармир-блуре.

Всего в переданной нами коробке было 40 остатков полностью обуглившихся древков стрел, из которых 4 представляли собой остатки тростника (*Phragmites communis* Trin?). Остальные 34 образца представляли собой остатки тонких веток диаметром от 6 до 10 мм, возраст веток от 3 до 4 лет. У большинства образцов внешний контур совпадал с конту-

ром годичного кольца, 8 образцов, повидимому, были сточены каким-то острым орудием и их контур не совпадал с границей годичных слоев. На одном древке сбоку были нанесены четыре небольшие зарубки. Из 36 образцов часть представляла обломки одного и того же древка. Сопоставление отдельных образцов по их годичным слоям показало, что общее количество древок стрел у нас в анализе не превышало 27. Все 27 стрел были сделаны из одной породы — ясеня (*Fraxinus (excelsior L.?)*).

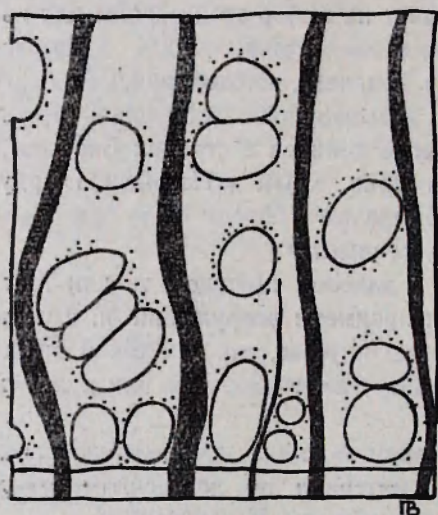
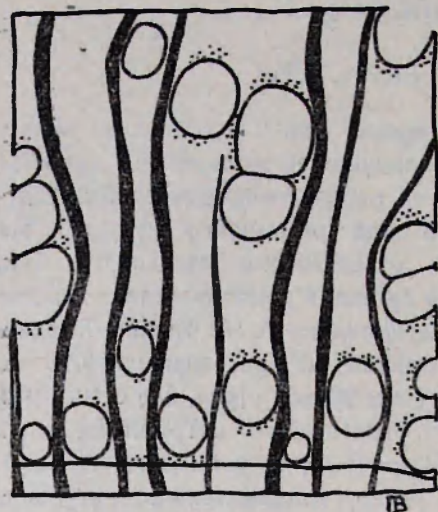

Рис. 45. Древесина ясеня (*Fraxinus oxysagra W.*).

ми механическими свойствами и выбор его древесины для стрел является удачным.

Переданный в нашу лабораторию материал был обработан нами по предложению и при консультации проф. А. А. Яценко-Хмелевского.

Характерными признаками молодой древесины ясеня являются простые перфорации сосудов, кольцесудистость (появляющаяся уже во втором годичном слое), постепенный переход от ранней древесины к поздней, одиночные сосуды или в группах по два или по три, вазикентричная паренхима, узкие одно-четырёхрядные лучи, со слабо выраженной гетерогенностью.

Указанная структура наблюдалась нами без приготовления шлифов, непосредственно рассматриванием угольков в отраженном свете на специальном приспособлении микрофотоустановки Цейсса. Просмотренные нами для сравнения ветки ясеня показали тождественную структуру.

Исследованный нами материал устанавливает, что урарты для древков стрел выбирали определенную породу — ясень. Ясень (*Fraxinus excelsior* и отчасти *F. oxysagra*, рис. 45) не редок в окрестностях Кармир-блур, он и сейчас встречается в ущельях рек Раздан, Гарни и Касах. Эти два вида являются господствующими породами, но чтобы получить прямые ветки, годные для изготовления древков стрел, надо было затратить некоторый труд. Это говорит о сознательном выборе именно этой породы. Древесина ясеня отличается довольно высокими

А. С. ВЕРХОВСКАЯ

ТЕКСТИЛЬНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ РАСКОПОК КАРМИР-БЛУРА

Фрагменты ткани и клубки нитей, найденные на Кармир-блуре в 1949—1952 гг., необычайно разнообразны по своей структуре, способам выполнения, обработке материала и назначению.

Среди найденных фрагментов имеются плотные грубошерстные ткани (без узора), вытканые из толстых нитей, ткани средней толщины и плотности, в том числе одна с узором, и тонкие прозрачные ткани. Плетеные изделия — ткань с ворсовым узором, тонкая сеть, фрагменты тесьмы, витого шнура и ткани, скатанные в рулоны, быть может дорожки для застила пола.

Все фрагменты ткани и пряжи найдены в обуглившемся состоянии, распадающимися от прикосновения к ним.

Ткани на месте раскопок для лучшей их сохранности были пропитаны раствором бутвара, в дальнейшем они были подвергнуты камеральной обработке в реставрационных мастерских Государственного Эрмитажа (В. Н. Кононов, Т. Н. Сильченко и др.).

Сохранившиеся Кармир-блурские текстильные изделия, повидимому, все без исключения изготовлены из шерстяного волокна.

Общеизвестно, что растительные волокна, быстро сгорая, превращаются в мельчайшие частицы пепла, а волокна животного происхождения, медленно сгорая — обугливаются.

В данном случае следует предположить, что найденные фрагменты шерстяных тканей и клубки нитей, тлея на земле, засыпанные песком и обломками здания, сохранили свою первоначальную структуру и форму, хотя и сильно деформированную при сгорании, а ткани из растительных волокон бесследно погибли.

Шерстяные нити в тканях и плетеных изделиях применялись различных сортов и качества, начиная от грубых, трощеных в 2—3 нити и до тончайших. Обгоревшие нити в клубках и намотанные на деревянное веретено сравнительно хорошо сохранили свою структуру и форму.

Тонкость и ровность нитей ручного прядения и равномерность их крутки свидетельствуют о высоком мастерстве прядильщиков VII—VI вв. до н. э.

Цвет обгоревших тканей, к сожалению, трудно установить, но мы с полной уверенностью можем утверждать, что узорчатые ткани были раз-

ноцветными с применением в их расцветке не менее 2—3 основных тонов — синего, красного и желтого. Это подтверждается анализом узорчатых тканей, в которых найдены соединения алюминия, что указывает на окраску их протравными красителями на глиноземной протраве (анализ В. Н. Кононова).

Многочисленные фрагменты плотных (без узора) тканей выполнены в репсовом уточном переплетении; тонкие же ткани — в простом полотняном переплетении. Структура этих переплетений сохранилась без существенных изменений в современной текстильной промышленности Востока и Запада.

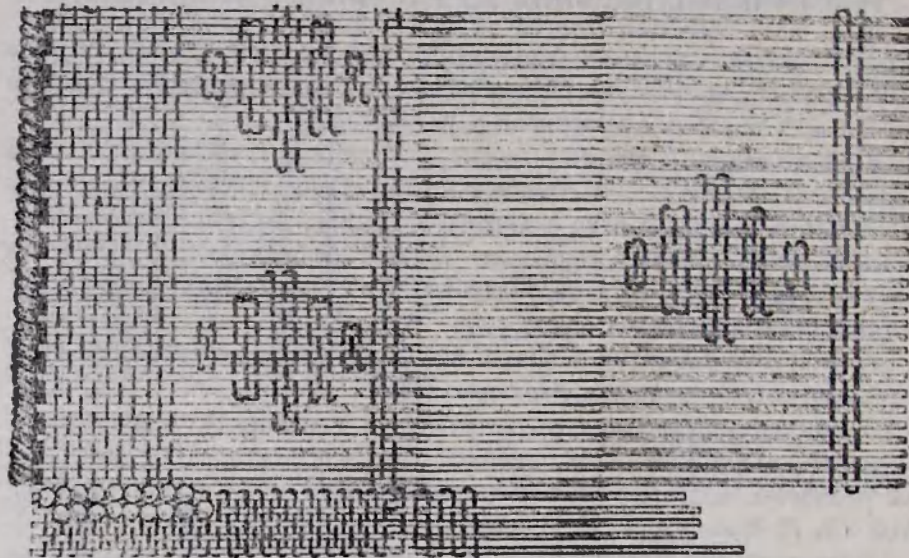

Рис. 46. Схема ткани части кафтана (ном. № 36).

Репсовое уточное переплетение является производным от полотняного и отличается от последнего тем, что закрывает утком нити основы с обеих сторон ткани и придает ей бороздчатую поверхность. Бороздки получаются вследствие того, что в плотных тканях и коврах для основы применяют более толстые трощеные нити (от 2 до 4 и более), а для утка — тонкие с отлогой круткой. Нити утка, переплетаясь с основными в полотняном переплетении, плотно прилегают друг к другу, застилая нити основы с лицевой стороны и с изнанки ткани. При этом плотность утка всегда превышает плотность основы. Таким образом, благодаря различной тонкости и плотности между нитями основы и утка на ткани возникают репсовидные бороздки, идущие параллельно основе.

В плотных обивочных тканях и в коврах без ворса — килимах, паласах, шпалерах, гобеленах и проч. до настоящего времени применяется репсовое уточное переплетение, древность которого подтверждается и кармир-блурскими тканями.

Древнейшие образцы ткани, дошедшие до нас в сугубленном состоянии, представляют большую историческую ценность, как достоверное свидетельство о начатках развития узорчатого ткачества и плетения, различных приемов украшения ткани и мастерства тонкого прядения, существовавших за несколько столетий до н. э.

На одном фрагменте плотной (без узора) ткани сохранилось нашитое металлическое украшение, в виде тонкой бронзовой пластинки в форме удлиненной трапеции и следы двух отсутствующих украшений, от которых на ткани сохранились только прикрепляющие их крепкие нити. Эти пластинки были нашиты на ткань в шахматном порядке.

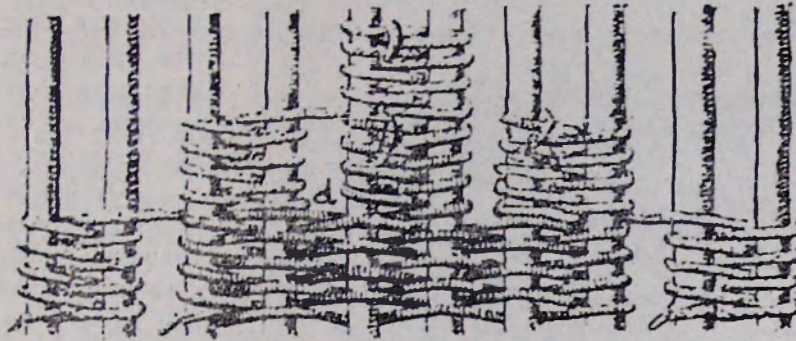

Рис. 47. Схема паласного плетения.

Исключительно ценный образец шерстяной ткани, объединяющий в себе различные приемы украшения, представляет узорчатый борт, повидимому, украшавший полы мужского кафтана. На нем частично сохранился тканый геометрический узор. Одна сторона борта украшена двумя рядами полых бронзовых полубусин, круглой формы, с цапками на внутренней стороне, прихватывающими ткань (сохранились 24 бусины). Борт нашит на плотную шерстяную ткань, по всей вероятности составляющую основу всей одежды. Край нашитого борта украшен толстым витым шнуром.

Выполнение этого борта на ткацком станке могло производиться двояким путем. Возможно, на свободно лежащих нитях натянутой основы (возможно цветной), затканной с 4 сторон неширокими полосами в репсовом уточном переплетении, одновременно выполнялся узор, состоящий из отдельных геометрических мотивов, вытканых в т. н. «паласной» технике (о ней см. ниже). Центральная часть борта выделена двумя узкими полосками, состоящими из 3 нитей утка каждая.

На ткани сохранились только три одинаковых мотива, расположенные в шахматном порядке. Два из них вытканы в нижней части борта и один — в верхней части центрального поля. В промежутках между фигурами орнамента — свободно лежащие нити основы¹.

¹ Аналогичный способ выполнения ткани встречается в производстве коптских тканей IV—VII вв. н. э. и в производстве дамских поясов во Франции XVIII в. (коллекция Госуд. Эрмитажа).

Но возможно также предположение, что в обгоревшей ткани сохранились только шерстяные нити, из которых состоял узор, основа и полосы, обрамляющие борт, а фон ткани был заткан нитями из растительного волокна (лен, кунжут, хлопок). Естественно, что при сгорании ткани от последних не осталось следа. Это предположение является наиболее вероятным, значит фон борта, так же как и узор, был выткан в «паласной» технике. Этот способ тканья возник при первом появлении тканого цветного узора и является первой ступенью развития простейшего линейного орнамента в ткани. Выполнение узоров этим способом было обусловлено употреблением примитивных орудий производства. Эта техника сохрани-

Рис. 48. Образец ткани с ворсом (пом. в сев.-зап. углу цитадели).

лась до наших дней в ручном текстильном производстве, в виде таких приемов, которые до сих пор не механизированы.

Отличительной чертой «паласной» техники являются сквозные отверстия или щели в готовой ткани, идущие параллельно основе, на линиях, отделяющих в узоре один цвет от другого. Отверстия

эти получаются вследствие того, что в процессе тканья ткач не соединяет разноцветные нити утка на цветных гранях рисунка, а поворачивает и проводит каждую из них в обратную сторону, благодаря чему с двух сторон цветной плоскости образуются кромки, между которыми возникают сквозные щели. Процесс тканья производится на ручных — вертикальном или горизонтальном — ткацких станках, без особых вспомогательных инструментов.

Цветные нити утка, приготовленные маленькими моточками, ткач пропускает между натянутыми нитями основы, переплетая их в соответствии с расцветкой узора.

Передача в ткани узора «паласной» техники обуславливает большую или меньшую (в зависимости от материала), геометризированную или ступенчатость плавных линий рисунка.

Термин «паласная техника» возник при изучении старинных ковров Закавказья, называемых ковры-паласы.

Эта техника широко применялась в производстве узорчатых тканей древнего Египта, Греции, Персии, Китая, также в ручном производстве древних ковров килимов, распространенном повсеместно у народов Востока и Запада.

Применение паласной техники иллюстрируют многочисленные образцы узорчатых тканей, найденных археологами, так, например, перуанские ткани I в. н. э. (коллекция Британского музея), сасанидские шерстяные ткани с крупными кругами в узоре и частично коптские ткани IV—VII вв. н. э. (собр. Госуд. Эрмитажа). Этот способ тканья применялся ткачами в производстве шпалер и гобеленов XIII—XIX вв., преимущественно при выполнении в ткани рисунка — причесок, оперения птиц, меха животных, а также в народном домашнем ткачестве — концы полотен, пояса, дорожки и проч.

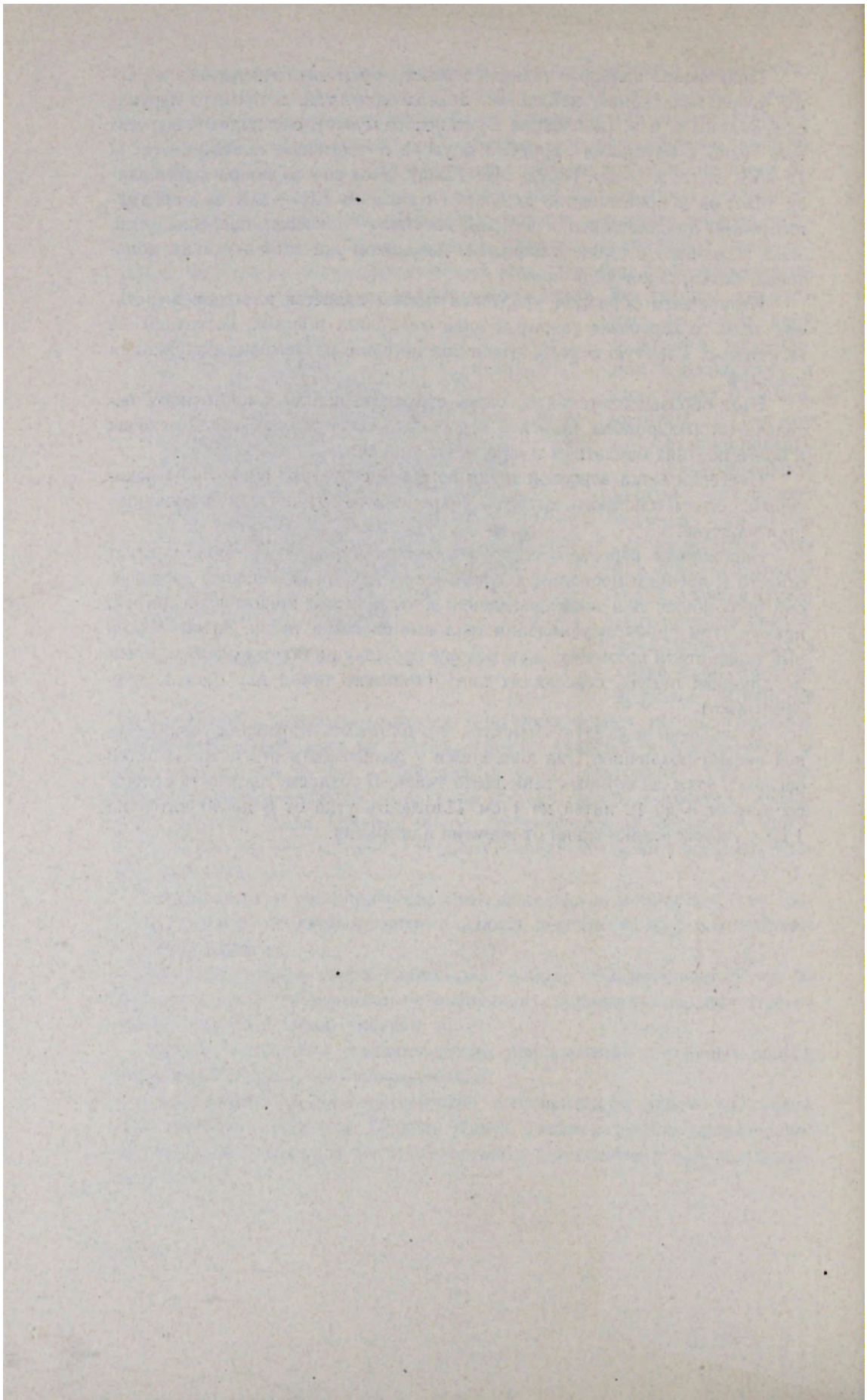
Интересным образцом урартских тканей является плетеная шерстяная ткань с ворсовым узором в виде отдельных полосок, состоящих из вплетенных в густую сетку узелков или петель с разрезными наружными концами.

Этот образец плетения по своей структуре является прототипом петельчатых (махровых) тканей и ворсовых ковров раннего средневековья и более поздних бархатных и плюшевых тканей.

Плетеная сетка ворсовой ткани по своей структуре аналогична некоторым сеткам плетеного кружева современного ручного и машинного производства.

Зарождение ворсового способа плетения и ткачества также следует отнести к древним периодам декоративного ткачества. Вначале этот способ применялся для воспроизведения в ткани меха животных и зверей, причем этим приемом усиливали тепловые свойства ткани. Затем ворсовые ткани стали применять, как меховую опушку на бортах одежды в виде длинных петель, свисающих вниз (коптские ткани для одежды собр. Эрмитажа).

В заключение следует отметить, что плотность Кармир-блурских тканей весьма различная. Она колеблется в зависимости от толщины нитей основы и утка, из которых выполнена ткань. В среднем плотность основы состоит от 3 до 12 нитей на 1 см. Плотность утка от 8 до 40 нитей на 1 см с учетом усадки ткани от времени и сгорания.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Общий план цитадели, 1954 г.
2. Бронзовые чешуйки панцыря (пом. А)
3. Иероглифические знаки на бронзовых чашах из пом. А и на серебряном кувшине из пом. № 36
4. Бронзовый кувшин (пом. А)
5. Серебряный медальон (пом. Б)
6. Базальтовое блюдо (пом. № 30)
7. Булла из кладовой для зерна
8. Карас из кладовой № 33
- 8а. Иероглифическая отметка на каргесе из кл. № 33
9. Костяные пластины с орнаментом (пом. № 36)
10. Головка льва, вырезанная из рога (пом. № 36)
11. Серебряный медальон (пом. № 36)
12. Серебряная булавка (пом. № 36)
13. Серебряный кувшин (пом. № 36)
14. Золотые серьги из пом. № 36 и № 38
15. Фаянсовый фигурный сосуд (пом. № 39)
16. Бронзовый шлем с надписью Аргишти I (пом. № 37)
17. Бронзовый щит с надписью Аргишти I (пом. № 34)
18. Бронзовый щит с надписью Сардури II (пом. № 38)
19. Изображение льва на щите Сардури II
20. Изображение быка на щите Сардури II
21. Панцырь царя Аргишти I (пом. № 36)
22. Ассирийский воин в панцыре (рельеф во дворце Саргона)
23. Пластины панцыря Аргишти I
24. Реконструкция крепления пластин панцыря
25. Пуговица от панцыря с надписью Аргишти I
26. Развернутое изображение колесниц и всадников на колчане
27. Ассирийский воин с луком и колчаном (рельеф во дворце Саргона)
28. Ассирийский воин из свиты Саргона (рельеф во дворце Саргона)
29. Бронзовый накопечник стрелы с надписью Аргишти I (пом. № 36)
30. Бронзовый накопечник стрелы с надписью Сардури II (пом. № 36)
31. Бронзовая форма для отливки стрел из Мосула (Брит. музей)
32. Железный меч с бронзовой рукояткой (пом. № 34)
33. Бронзовый налобник с надписью Менуа
34. Бронзовые удила с надписью Менуа (пом. № 36)
35. Бронзовый колокольчик
36. Круглые бляхи конского убора
37. Бляшка с надписью Менуа
38. Каменные бусы (табл. I)
39. Каменные и стеклянные бусы (табл. II)
40. Различные бусы (табл. III)
41. Бусы и прелепки (табл. IV)

42. Изображения на четырехгранной печати (пом. № 36)
43. Каменные и фаянсовые печати (табл. V)
44. Цилиндрические печати из помещений №№ 36 и Б
45. Древесина ясеня (*Fraginus охусагра W.*)
46. Схема ткани части кафтана (пом. № 36)
47. Схема паласного плетения
48. Образец ткани с ворсом (пом. в сев.-зап. углу цитадели)

СПИСОК ТАБЛИЦ

- I. Бронзовый щит с надписью Сардури II
- II. Помещение № 37
- III. Кладовая для вина (пом. № 40)
- IV. Кладовая для вина (пом. № 40)
- V. Помещение № 38
- VI. Кувшины в кладовой № 29
- VII. Кувшины из кладовой № 29
- VIII. Глиняные светильники из кладовой № 29
- IX. Глиняные сосуды из кладовой № 39
- X. Изображение львов на щите Сардури II
- XI. Изображение быков на щите Сардури II
- XII. Бронзовый щит Аргишти I в помещении А
- XIII. Бронзовый щит Аргишти I в помещении № 34
- XIV. Железный панцырь (пом. №№ 38 и 40)
- XV. Части золотой обкладки деревянной фигурки льва
- XVI. Часть одежды из помещения № 36

Табл. I. Бронзовый шит с надписью Сардури II.

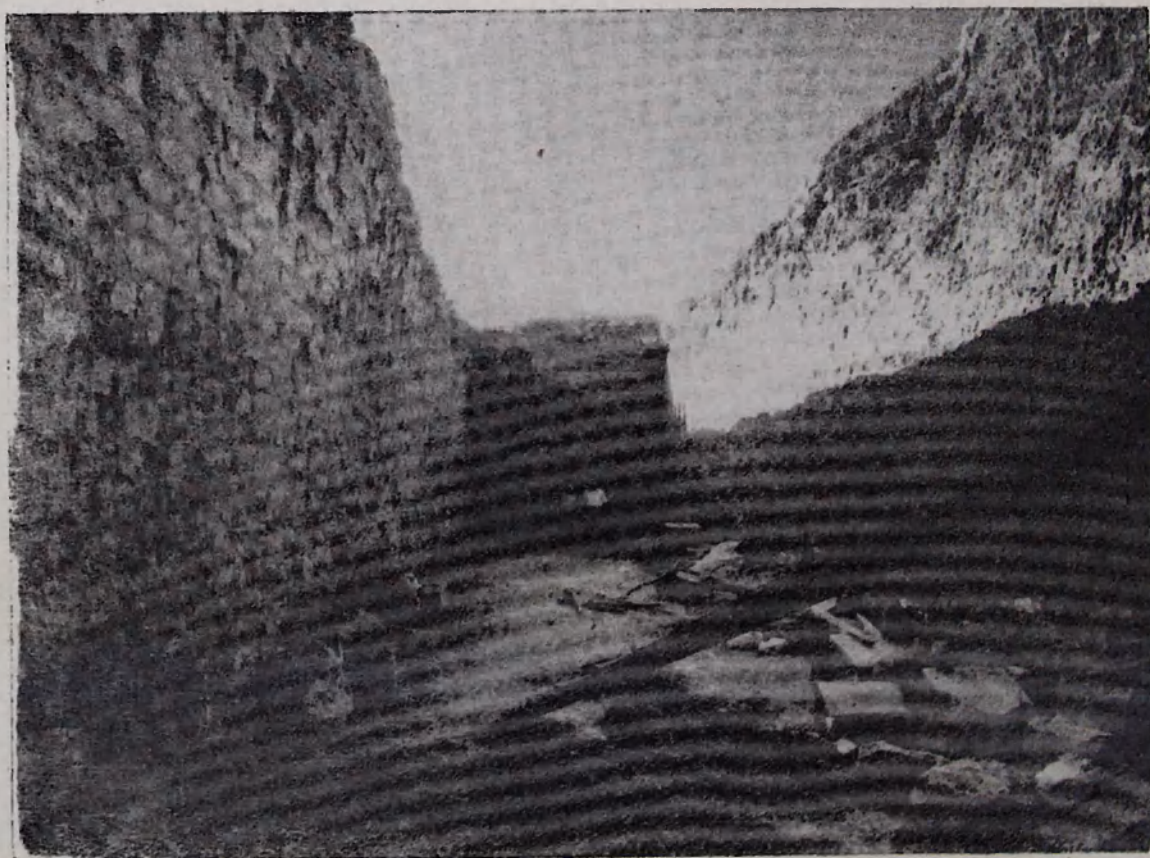

Табл. II. Помещение № 37.

Табл. III. Кладовая для вина (пом. № 40).

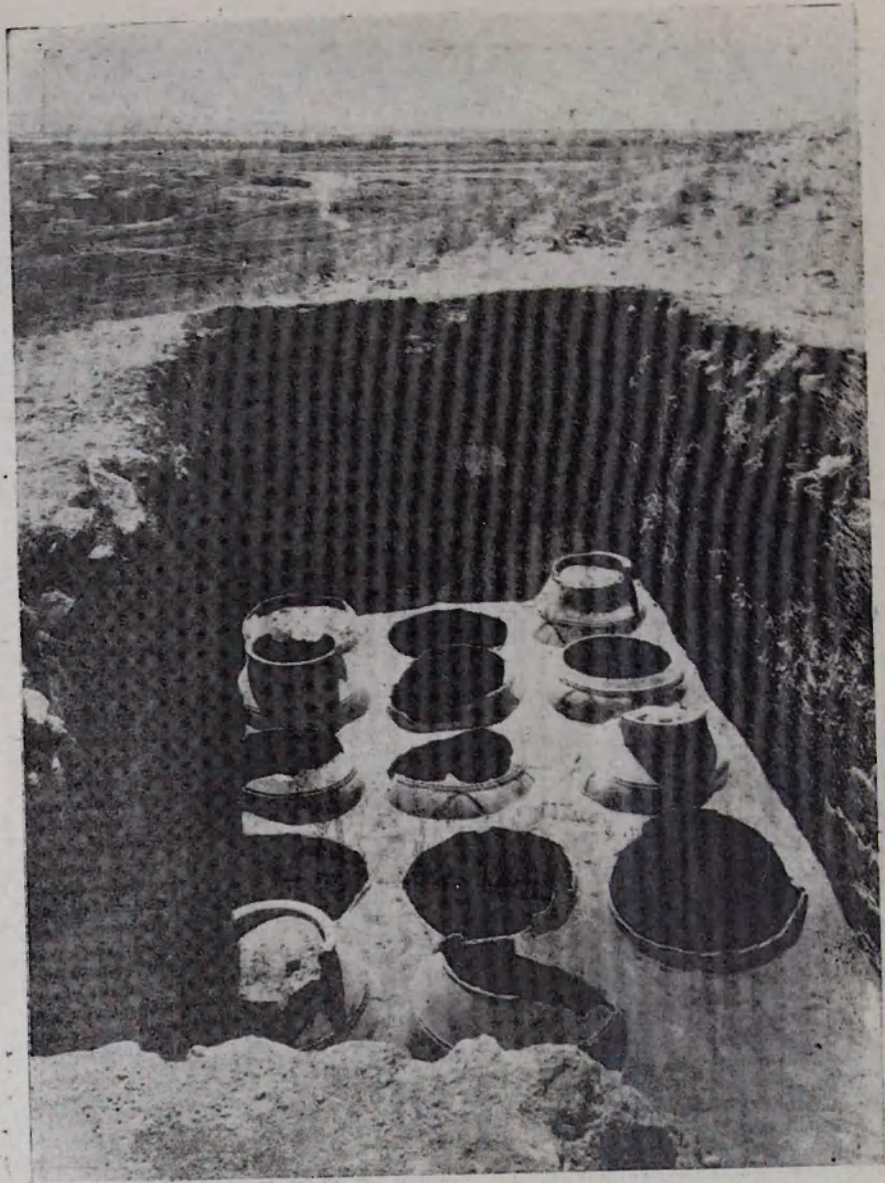

Табл. IV. Кладовая для вина (пом. № 40).

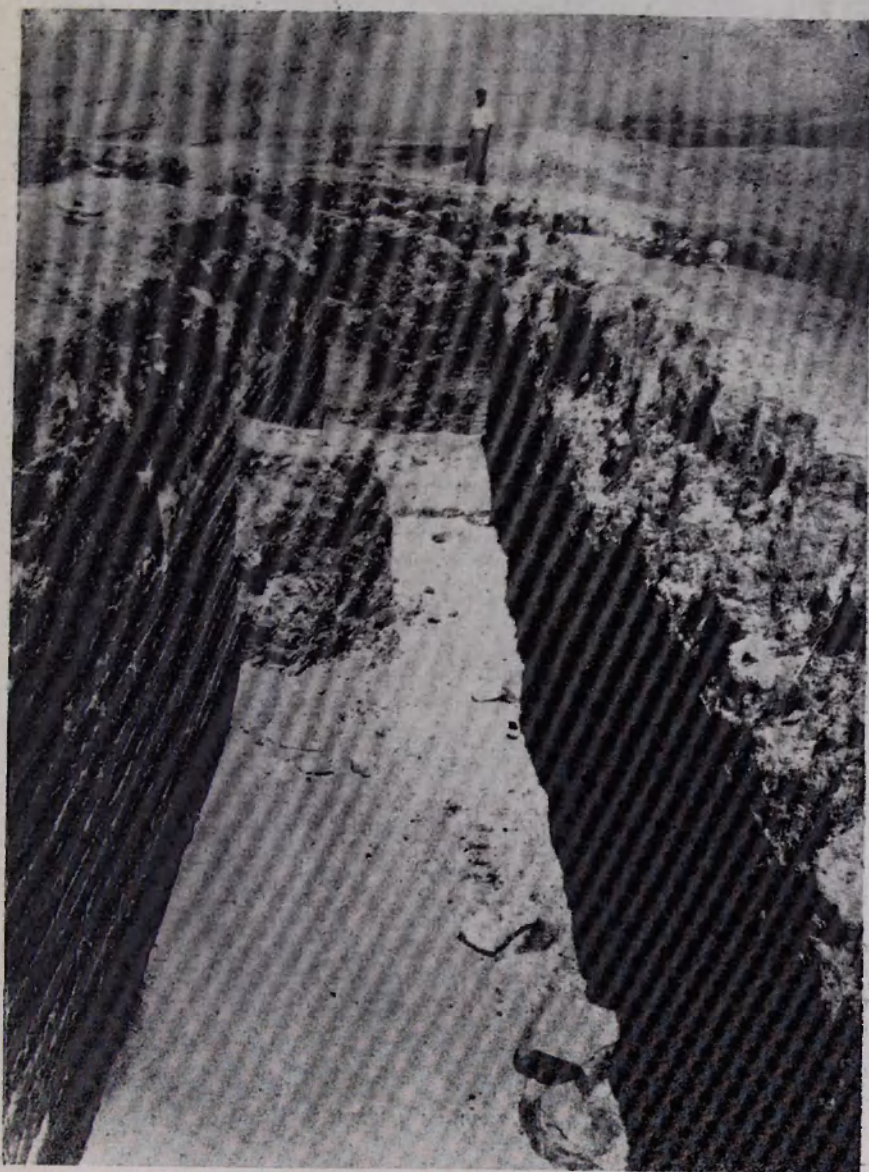

Табл. V. Помещение № 38.

Табл. VI. Кувшины в кладовой № 29.

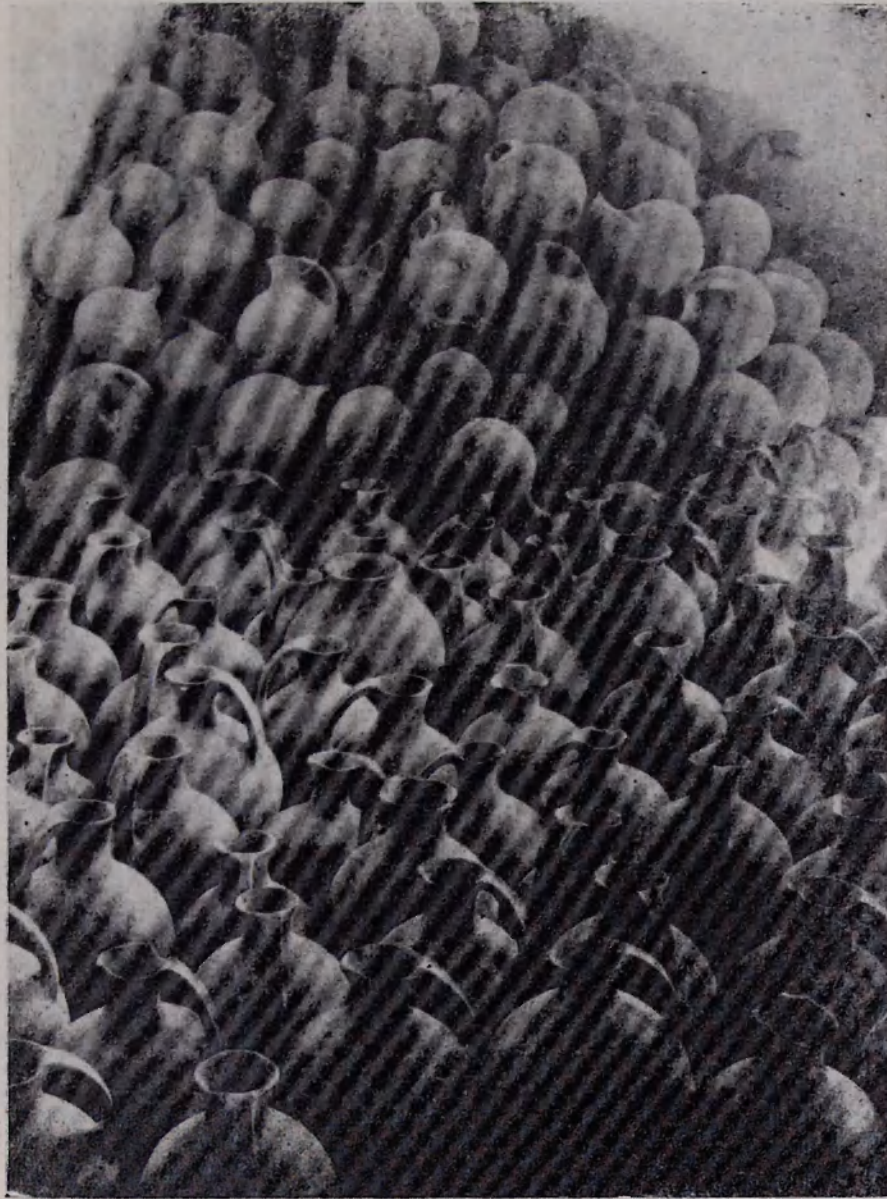

Табл. VII. Кувшины из кладовой №29.

Табл. VIII. Глиняные светильники из кладовой № 29.

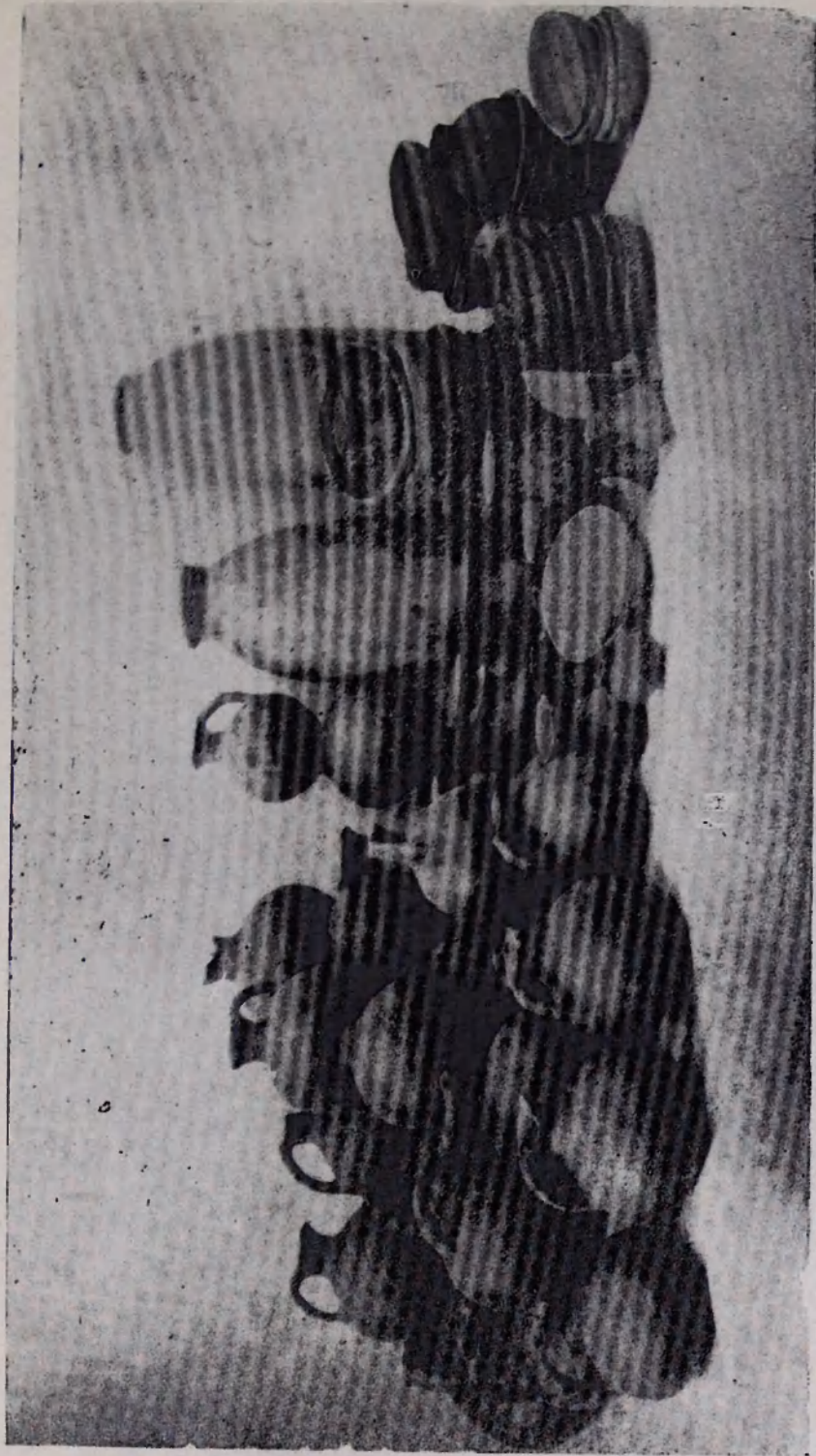

Табл IX. Глиняные сосуды из кладовой № 39.

Табл. X. Изображение львов на шите Сардури II.

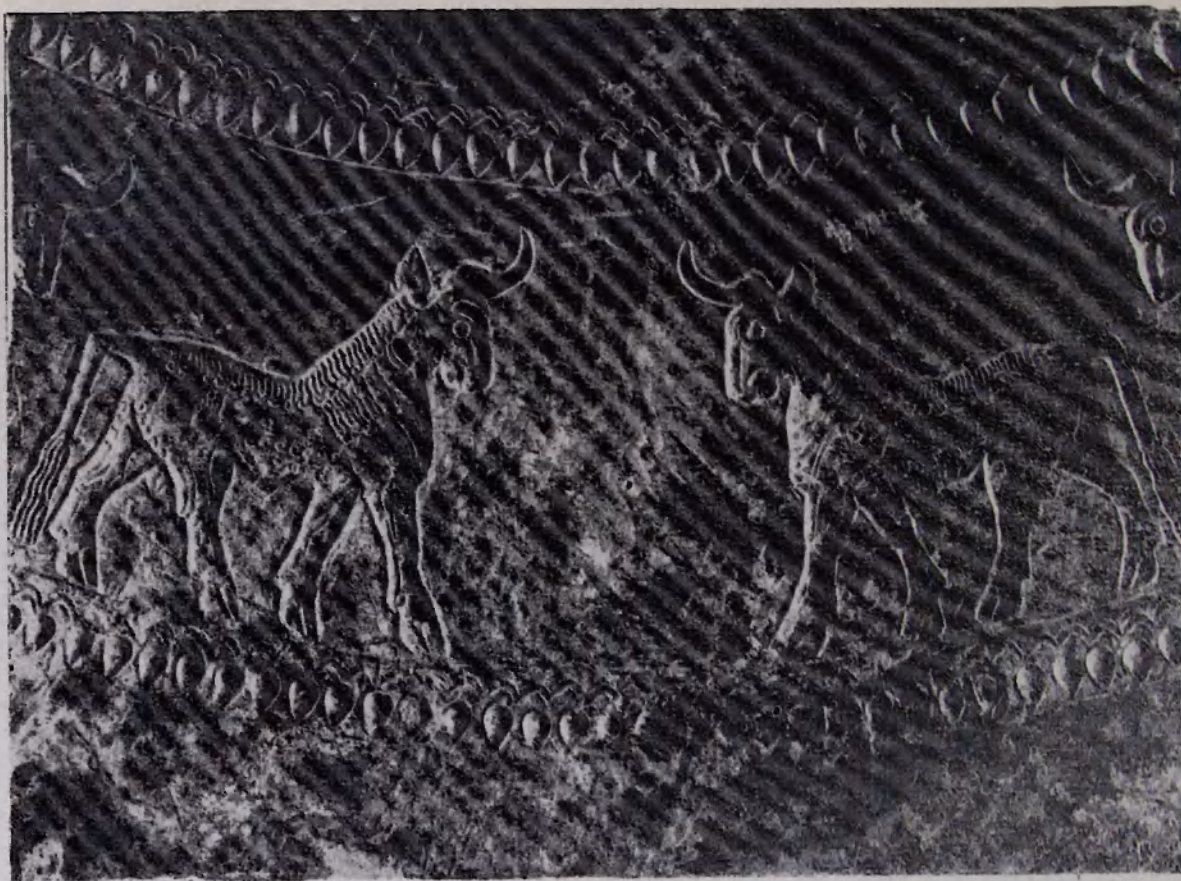

Табл. XI. Изображение быков на щите Сардури II.

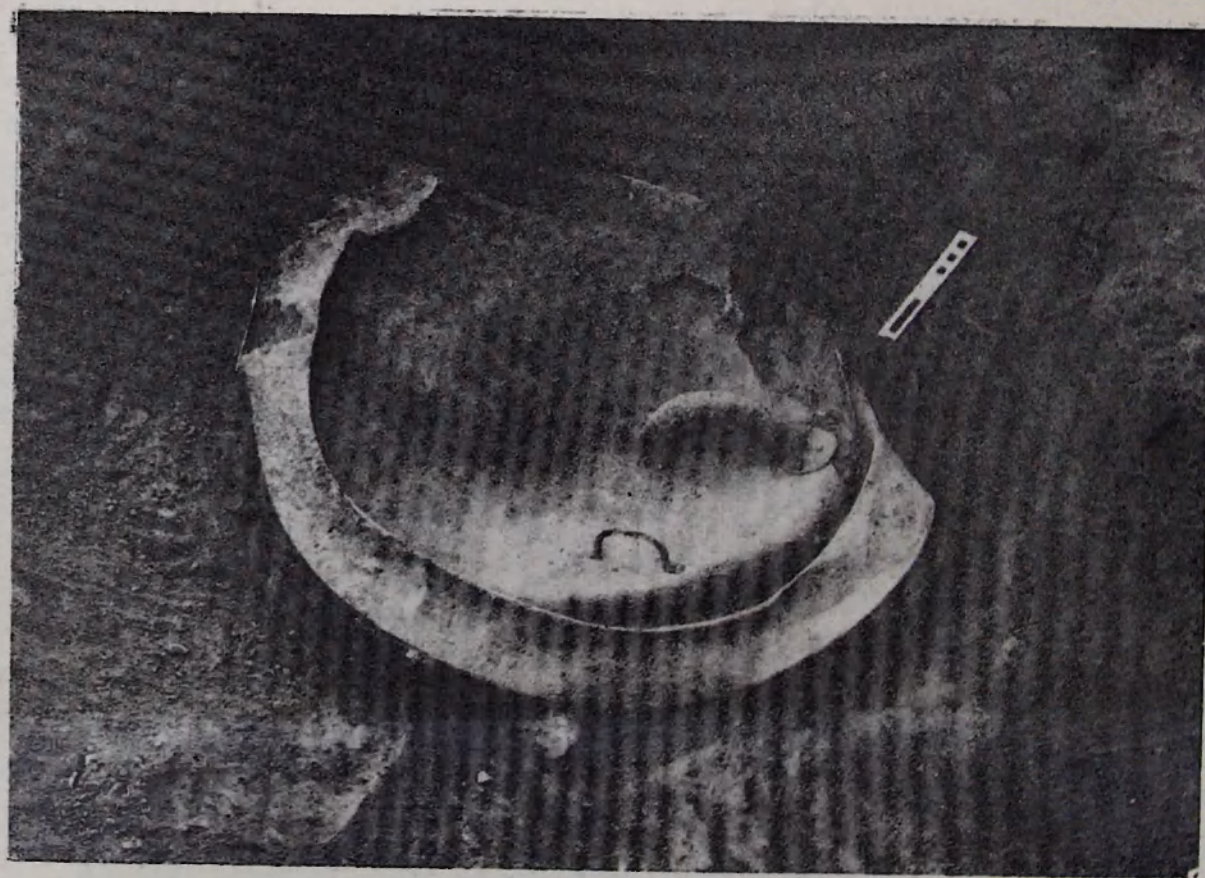

Табл. XII. Бронзовый щит Аргишти I в помещении А.

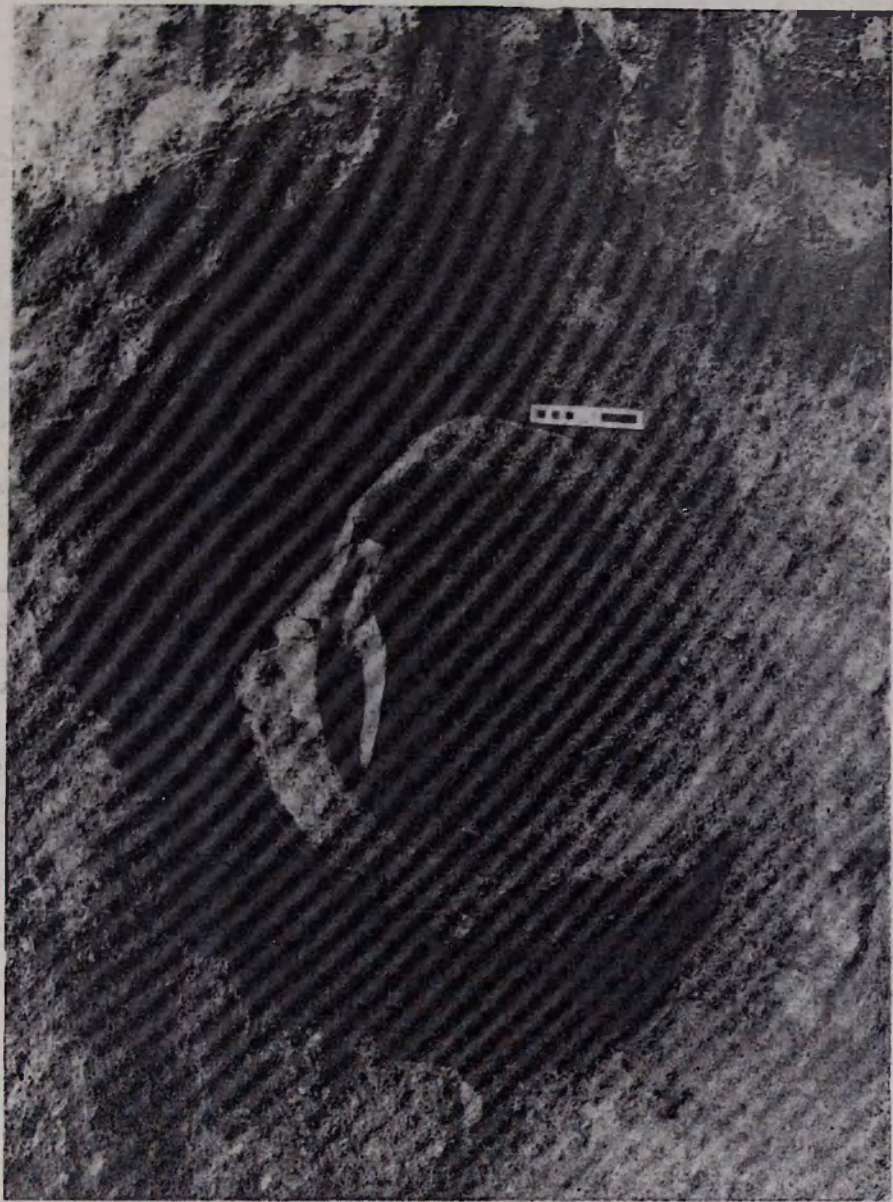

Табл. XIII. Бронзовый цит Аргшти I в помещении № 31.

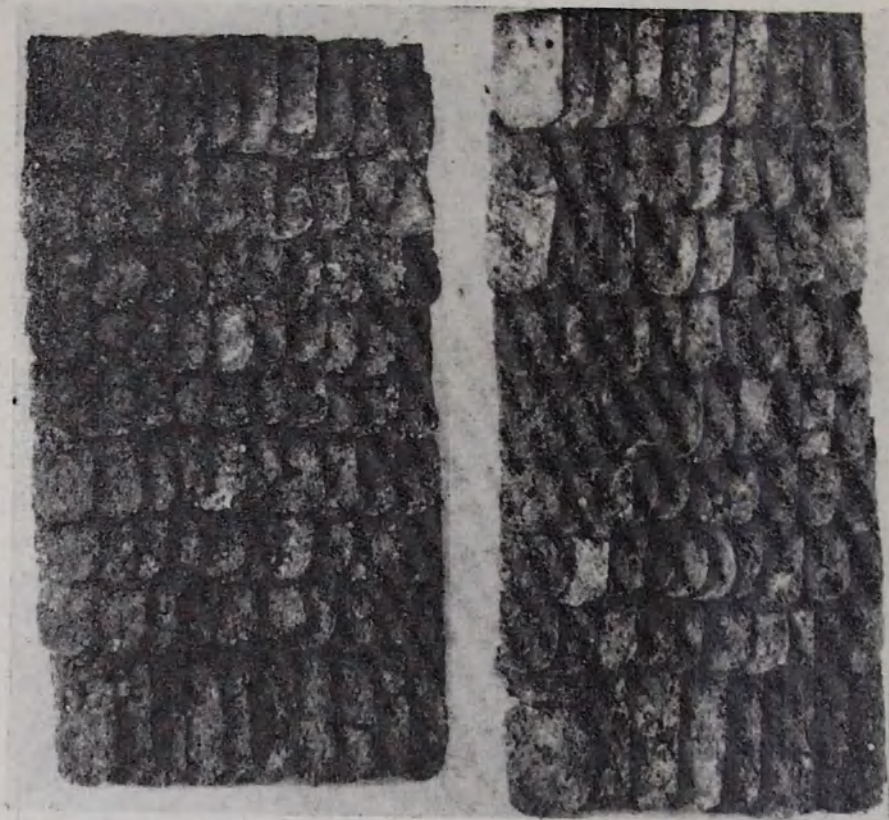

Табл. XIV. Железный панцырь (пом. №№ 38 и 40).

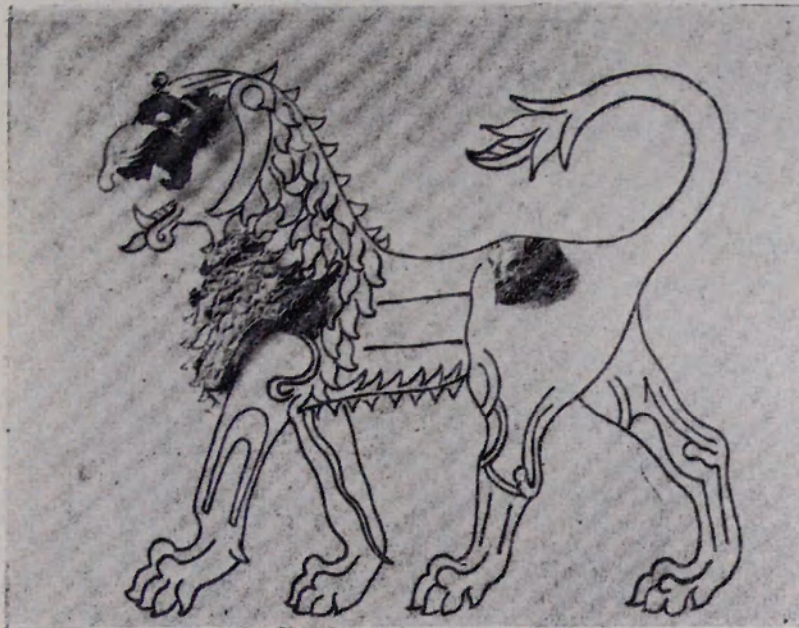

Табл. XV. Части золотой обкладки деревянной фигурки льва.

Табл. XVI. Часть одежды из помещения № 35.

Борис Борисович Пиотровский
КАРМИР-БЛУР III

Ответ. редактор Н. В. АРУТЮНЯН
Редактор издательства А. С. ХАЧАТРЯН

Тех. ред. М. А. Кап л а п я н

Корр. Р. А. Ш т и б е н

РИСО № 244 Изд. 1138 Вф 10986 Заказ 86 Тираж 2000

Сдано в производство 1/III 1955 г. Подписано к печати 22/VI 1955 г. объем 5³/₄ печ. л.
уч изд. листов 6. Цена 6 р.

Типография издательства АН Армянской ССР, Ереван. ул. Абовяна, 124.

